

55380

1150

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

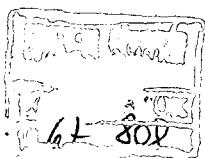
SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

Материалы и сообщения по славяноведению

III.

SZEGED

1965

55380.

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

Материалы и сообщения по славяноведению

III.

SZEGED

1965

Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata

III.

Redigit
József Juhász

Seriem publicationum edendam curat
Imre H. Tóth

К ИСТОРИИ И > Ы В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕ ТВЕРДОГО ПРЕДЛОЖНОГО И ПРЕФИКСАЛЬНОГО СОГЛАСНОГО И В ДРУГИХ СХОДНЫХ СЛУЧАЯХ

Н. Д. РУСИНОВ

Вполне установлено, что после утраты ѣ состоявший перед ним твердый согласный в конце приставки и предлога, а также в конце знаменательного слова (если оно произносилось не перед паузой) стал в древнерусском языке оказывать ассимилятивное воздействие на следовавший за ним и и превращал его в ы:

а) Ранние случаи этой замены обнаруживаются уже в памятниках XIII в.: в ыную землю (смол. гр. ок. 1230 г.) и др.¹

б) В дальнейшем подобные написания становятся многочисленными: с Ываном (новот. куп. 1380—1414 гг., АСЕИ-2), из ыного (гр. рад. кн. Андрея, 1411 г., там же-29), в ыгуменова (гр. моск. в. кн. Василия I, 1425—27 гг., там же-47), в Ыячовском езу² (гр. шех. кн. Аграфены, 1432—45., там же-102), без ысправы (гр. моск. в. кн. Василия II, 1455—62 гг., там же-246), в ызмену (гр. твер. в. кн. Бориса, 1499 г., ДДГ-54), с ызумруты (гр. угл. кн. Димитрия Жилки, 1521 г., там же-99), с ых крестьянскими животы (угл. кр. кн., 1705 г., УА, ф. 75, оп. 1, ед. 4, л. 94 об.) и др.

в) В современном русском произношении ы на месте и в указанных позициях почти повсеместная норма: сыграл, подымай, разыграешь, от ымени, над ых домом, лес ы поле, стал ыскать и т. д.

Совершенно ясно, что здесь замена и > ы представляла собою необычную для древнерусского языка прогрессивную аккомодацию звуков, т. к. для речи восточных славян в прошлом были свойственны главным образом регрессивные аккомодации. Это заставляет предполагать, что названный процесс и > ы возник благодаря иноязычному влиянию со стороны тюрков и угро-финнов, которым были присущи как раз преимущественно прогрессивные аккомодации и которые еще до падения древнерусских редуцированных оказались в тесном контакте с восточными славянами³. Но, в таком случае, возникает во-

¹ В. И. Борковский и П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, АН СССР, 1963, стр. 126.

² Здесь и далее факты из памятников письменности приводятся с некоторым упрощением графики. В частности, «ять» и малый «юс» передаются соответственно как е и я.

³ Тезисы докладов II-й региональной научной сессии (секция филологии), Горький, 1965, стр. 74—80.

прос, сразу ли без всяких отступлений звук *и* после твердого согласного стал переходить в *ы*, или же было возможно и сохранение *и* с регрессивным смягчением предшествующего согласного.

В предлагаемой заметке сообщаются результаты попыток ее автора найти ответ на поставленный вопрос и тем самым осветить некоторые еще не изученные⁴ подробности превращения *и* > *ы* после приставок и предлогов и в иных аналогичных позициях.

*

*

Прежде всего надо заметить, что есть говоры русского языка, в которых конечное *и* сохраняется после приставочных *з*, *т* и реже, *б* и смягчает их по нормам регрессивной ассимиляции, тогда как в остальных подобных случаях изменяется в *ы*. Таковы, в частности, говоры севера Угличского Верхневолжья. Здесь старики произносят:

а) После приставочных *б*, *з*, *т*: *от'имат'* (с. Рождествено: «отнимать»), *вз'имок* (там же) «взымок» («охапка льна, поднятого со станица»), *вз'имат'* (там же) «взывать», *от'ималка* (д. Ушаково) «отнималка» («кухонная тряпка»), *об'имал'ис* (там же) «обнимались» и т. п.

б) В остальных случаях: *от ых* (с. Рождествено) «от них», *об Иван'с* (там же) «об Иване», *подв'ол ыток* (там же) «подвел итог», *подымат'* (там же) «поднимать», *над ызбой* (там же) «над избой, к *Ыл'йе* (д. Ушаково) «к Илье» и т. п.⁵

Правда, возможно, что сохранение *и* после приставок *об-*, *от-*, и *вз-* в данных говорах объясняется тем, что эти приставки без конечного *ъ* или *ь* (как *об-*, *от-*, *вз-*) звучали здесь и до падения редуцированных⁶ и подверглись регрессивной палатализации со стороны *и* еще тогда, когда прогрессивная аккомодация на стыке приставки с последующим *и* не начала развиваться.

Однако в говоре дер. Татинец Работкинского района Горьковской обл. можно в анализируемых позициях услышать *и* не только после конечных приставочных *б*, *з*, *т* (правда, тоже лишь в произношении стариков и не всегда):

а) *И* после приставок и предлогов на *б*, *з*, *т*: *ут'имат'* «отимать», *б'ез'им'а* «без имя» (т. е. «без имени»), *уб' Иван'ь* «об Иване» и т. п.

б) *И* после приставок и предлогов не на *б*, *з*, *т*: *в' искр'х* «в искрах», *с'имат'* «снимать», *п'д' избой* «под избой», *к' иголк'ь* «к иголке», *с' изв'ест'й'эм* «с известием», *в истом'ь* «в истоме» и т. п.

в) в других сходных случаях: *так' и г'овор'ат* «так и говорят», *вот' и фс'о* «вот и все», *нарот' ид'от* «народ идет», *баран' издох* «баран издох», *глух' и нем* «глух и нем», *ф пух' и прах* «в пух и прах» и др.

Подобное (как в дер. Татинец) произношение, особенно после приставок и

⁴ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, 1962, стр. 114.

⁵ Здесь и далее диалектные факты приводятся по личным наблюдениям автора заметки.

⁶ Известно, что приставки *об-*, *от-* и приставки на *з* широко употреблялись без *ъ* после *б*, *з*, *т* и до падения редуцированных (см.: А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. I, 1951, стр. 158).

предлогов, есть и в ряде других говоров и в некоторых случаях даже признается за литературную норму (хотя ею и не является)⁷.

В свете этих диалектных фактов современного русского языка получают объяснение и факты написания *ь* после предлогов *в*, *к*, без перед следующим и притяжательной формы *их* в некоторых из тех древнерусских памятников письменности, в которых *ъ* и *ь* не смешиваются и в которых могут даже иметь место написания *ы* вместо *и* в исследуемых случаях. Например:

а) *ся въ их человека не вступают при из ыных, къ сотским, къ их людям, вине* (гр. моск. в. кн. Василия II, 1447 г., АСЭИ-192);

б) *выведет въ их села при въ слободах, техъ их крестьян* (гр. моск. в. кн. Ивана III, ок. 1467—74 гг., АСЭИ-359)⁸;

в) *къ их крестьяном* (дважды, гр. моск. в. кн. Ивана III, 1485 г., АСЭИ-516);

г) *безъ их докладу и въ их лесы* (гр. моск. в. кн. Ивана III, 1490 г., АСЭИ-548);

д) *къ их столцу не тянут и къ их... столцу не тянем при въ всех* (костр. суд. сп. на землю Оглоблино, 1495—99 гг., АСЭИ-587).

Эти факты, очевидно, надо объяснять как отражение борьбы регрессивной и прогрессивной тенденций приспособления звуков на стыке предлога и следующего слова, начинающегося с *и*, как победу регрессивной тенденции в некоторых случаях.

Еще более показательны в этом отношении написания *и* в конце предлогов *в*, *к*, с перед следующим *и* в некоторых древнерусских памятниках письменности (хотя в них такие написания и не обязательно регулярны, а иногда даже сосуществуют с противоречащими этой норме написаниями). Например:

а) *ки Ильинским задом* (куп. Тр.-Серг. м-ря, 1460 г., АСЭИ-390);

б) *ви их селе* (гр. угл. кн. Андрея Большого, 1467-74 гг., АСЭИ-365);

в) *ки иве, а на иве грань* при с *Ывашком* (моск. развез. гр., ок. 1474—75 гг., АСЭИ-425);

г) *си их землю* при сы его детьми (беж. развез. гр., 1499—1500 гг., АСЭИ-627).

Приписка *и* в конце предлогов в этих и других подобных случаях перед следующим *и* уже явно свидетельствует о регрессивном палатализирующем воздействии его на предшествующий твердый согласный соответствующего предлога.

*

*

*

Таким образом, и диалектные факты современного русского языка и показания памятников древнерусской письменности согласно свидетельствуют, что с падением редуцированных прогрессивный переход *и* в *ы* после твердого согласного в вышеуказанных позициях у восточных славян совершался не без отступления в пользу традиционного регрессивного принципа аккомодаций. И, значит, надо предполагать, что когда-то в данных позициях в древнерусском языке шла борьба между регрессивными и прогрессивными направлениями приспособления звуков друг к другу. А это можно считать доводом, укрепляющим

⁷ Р. И. Аванссов, Русское литературное произношение, Москва, 1954, стр. 78.

⁸ В этой же грамоте написано *въ* в сходной позиции. — перед *ѣ*: *въ Юрьев*.

предположение о иноязычном воздействии на прогрессивный переход *и > ы* в случаях типа под ызбой «под избой», *сымат'* «снимать», *нос ы рот* «нос и рот» и т. п.

Что же касается случаев, в которых переход *и > ы* задерживался, то надо отметить следующее:

а) Вышеуказанные факты, обнаруженные в памятниках XV—XVI вв., находятся в соответствии с тем, что наблюдал П. Я. Черных в Уложении 1649 года: *и* сохранялось в притяжательной форме *их* и после *к*⁹. И только в документах XVIII в. удалось обнаружить переход *и > ы* в притяжательном *их* после *с* (*с ых* — см. выше).

б) Однако по данным живых говоров надо считать, что переход *и > ы* задерживался (может быть, не повсеместно и в других условиях. Ср. вышеуказанные: *в' истомь*, *с'имат'*, *баран' издох* и т. п.

в) По-видимому, задержке перехода *и > ы* после предлога *к*, как и в диалектных случаях типа *воск' и м'от* «воск и мед» и *см'ех' и гр'ех* «смех и грех», способствовало древнерусское изменение исконных *гы*, *кы*, *хы* в *ги*, *ки*, *хи*. Но это, конечно, не было единственной причиной длительного сохранения *и* в анализируемых случаях и не противоречит высказанному предположению о борьбе регрессивной тенденции с прогрессивной в процессе *и > ы* после твердых согласных, так как этот процесс задерживался вовсе не только после заднеязычных согласных.

*

*

Условные сокращения в ссылках на памятники письменности:

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси. т.

I, АН СССР, 1952 (цифра после сокращения обозначает № акта по данному изданию).

беж. — бежецкий.

гр. — грамота.

в. кн. — великий князь.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., АН СССР, 1950 (цифра после сокращения обозначает № акта по данному изданию).

кн. — князь.

рад. — радонежский.

костр. — костромской.

разъез. — разъезжая грамота.

кр. кн. — крепостная книга.

шех. — шехонский.

куп. — купчая грамота.

смол. — смоленский.

моск. — московский.

угл. — угличский.

новот. — новоторжский.

суд. сп. — судный список.

ск. — около.

твер. — тверской.

Тр.-Серг. м-рь — Троице-Сергиевский монастырь.

УА — Угличский архив (после этого сокращения указан архивный шифр документа).

⁹ П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 г., АН СССР, 1953, стр. 216.

К ИСТОРИИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

(На материале Синодального, Строевского и Тихановского списков
псковских летописей)

И. Х. ТОТ

1. Совпадение форм имен существительных с основой на *-а, *-ја в родительном, дательном и местном* падежах единственного числа появляется в памятниках русского языка уже в XI в. Историки языка совпадение РДМ объясняют по-разному. Эти объяснения, в основном можно разделить на две группы:

1) Совпадение РДМ у существительных с основой на *-а, *-ја, толкуется одними учеными как результат взаимовливания мягкой и твердой разновидностей склонения внутри системы существительных с основой на *-а, *-ја. При этом объяснении значительное место отводится смещению падежных форм. Так объясняли это явление *А. И. Соболевский*¹, *А. А. Шахматов*² (в своем «Исследовании о языке новгородских грамот XIII—XIV вв.»), *Н. Дурново*³, *П. С. Кузнецов*⁴.

2) Совпадение форм РДМ объясняется и по-иному. *А. А. Шахматов*⁵ изложил теорию, согласно которой данное явление было вызвано факторами, существующими вне системы существительных с основой на *-а, *-ја. По его мнению совпадение РДМ в одной форме возникло под влиянием склонения прилагательных местоимений ж. р., у которых РДМ совпали в окончании -ои, -еи. *С. П. Обнорский* принимает теорию *А. А. Шахматова* и развивает ее дальше, указывая еще на ряд «аналогичного порядка», идущего также извне системы существительных с основой на *-а. Среди этих факторов он говорит о влиянии существительных ж. и м. р. с основой на *-ї, где в РДМ имелось единое окончание — и. Он считает возможным и влияние

* В дальнейшем мы будем пользоваться сокращениям Р = родительный,
Д = дательный, М = местный падеж.

¹ *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 180.

² *А. А. Шахматов*. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV в. СПб., стр. 190-192.

³ *Н. Дурново*. Очерк истории русского языка. М—Л., 194, стр. 280.

⁴ *П. С. Кузнецов*. Очерки по исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 38—39.

⁵ *А. А. Шахматов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1957, стр. 38-39.

склонения существительных с, основой на *-о, унаследовавших в РМ окончание -у от основ на *-й, причем он же указывает на определенные акцентологические моменты, которые помогали в осуществлении аналогии со стороны основ на *-о⁶.

О совпадении РДМ существительных с основой на *-а, *-ја подробно писали *А. И. Соболевский, В. Ягич, А. А. Шахматов, Н. Дурново, П. С. Кузнецов* (и в историческом и диалектологическом планах), *Р. И. Аванесов*. Однако особенно значительное внимание было уделено изучаемому нами явлению в работах, исследующих древненовгородское наречие. *Л. И. Молодых⁷, Т. А. Яковлева⁸, М. Ф. Парахина⁹*, описывая особенности склонения имен существительных, отмечая совпадение РДМ в новгородских памятниках, приводили примеры на такого же рода совпадения и в современных новгородских говорах. *С. П. Обнорский¹⁰* в своей монографии «Именное склонение в современном русском языке» не только объяснял интересующее нас явление, но, приводя большой фактический материал из говоров современного русского языка, дает классификацию говоров по особенностям совпадения РДМ ед. ч. Его классификация принята *Б. Унбегауном* и лежит в основе классификации *Б. Унбегауна¹¹*.

Хотя значительное место уделяется историками русского языка изучению совпадений РДМ, описание синкретизма долгое время не становилось исключительным предметом специального исследования. Только в последнее время были опубликованы работы *А. Н. Добрымисловой¹²*, посвященные специально изучению совпадений окончаний в северных памятниках русского языка.**

** Явление падежного синкретизма в новгородских памятниках XVI—XVII вв. специально изучено и *А. Л. Мирецким*, с работой которого автор данной статьи имен возможность познакомиться в рукописи.

⁶ *С. П. Обнорский*. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I, Л., 1927, стр. 88.

⁷ *Л. И. Молодых*. Именное склонение в новгородских грамотах старшей поры. Ученые Записки Мордовского ГПИ им. А. И. Полежаева. Вып. VI, Серия фил. наук. Саранск., 1957, стр. 137—138.

⁸ *Г. А. Яковлева*. К истории именного склонения существительных. Ученые записки Кабардино-Балкарского Гос. Университета. Вып. IV, 1958, стр. 409—437.

⁹ *М. Ф. Парахина*. Имена с основой на -а в Синодальном списке I-ой Новгородской летописи. Вопросы русского языкознания. Кн. 2 Киев., 1950, стр. 99—112.

¹⁰ *С. П. Обнорский*. Указанная работа, стр. 94—97.

¹¹ *E. Unbegaun*. La langue russe au XVI-e siècle. Paris, 1935, стр. 48—49.

¹² *А. Н. Добрымислова*. К истории форм дательного-местного на -Ы в северновеликорусских говорах. Вестник МГУ, 1959, № 3, М., стр. 87—100, К истории форм женского склонения в древнем новгородском говоре. Вестник МГУ. 1961, № 4, М., стр. 41—49. К интерпретации одного явления падежного синкретизма в древнем новгородском говоре. ВЯ. 1961, № 6, стр. 83—98.

2) В настоящей статье мы исследуем совпадение РДМ ед. ч. существительных с основой на *-а, *-ја в псковских летописях. Синкретичные формы в памятниках псковского происхождения (в частности в летописях) были отмечены исследователями псковской старины: А. И. Соболевским¹³, А. А. Шахматовым¹⁴, В. Ягичем¹⁵, А. А. Никольским¹⁶, Н. Каринским¹⁷. А. Н. Добромыслова¹⁸ также привела случаи синкретизма РДМ для сравнения с особенностью синкретизма в новгородских памятниках. Однако, не смотря на это, явление совпадения РДМ в псковских памятниках до конца не исследовано.

Прежде чем приступить к конкретному анализу псковских летописей, мы хотели бы сделать несколько замечаний, касающихся проблемы синкретизма.

1) Совпадение РДМ было вызвано — по нашему мнению — взаимовлиянием разновидностей существительных с основой на *-а, *-ја. Однако ввиду того, что процесс унификации окончаний уже была в действии, определенные формы вне системы основ на *-а, *-ја также способствовали развитию и распространению данного явления. Среди этих факторов следует говорить о факторе влияния основ на *-ї и надо учитывать влияние склонения местоимений и членных прилагательных.

2) Начало взаимовлияния разновидностей существительных с основой на *-а, *-ја неизвестно нам в древнепсковском говоре из-за отсутствия ранних памятников псковского происхождения. Однако оно налицо в памятниках новгородского происхождения уже с XI в.¹⁹ Несомненно, что в древнепсковском говоре, близком к древненовгородскому, этот процесс мог начаться очень рано. В пользу этого предложения, говорят и косвенные доказательства псковских летописей. В древнейшем, Синодальном*, списке псковских летописей характерно (кроме некоторых форм искусственного происхождения) окончание — и в Р. ед. ч. в мягкой разновидности. Например: от единой княгыни, Син 156, святого пророка Илии, Син 1726, у Солци, от Солци, Син 1786, с церкви святыя Троици, Син 1796, и еще многие другие. Имея ввиду, что окончание -и Р под влиянием твердой разновидности уже получило значительное распространение, формы на -и Р не могли индуцировать появление флексии -Е* в том же падеже. Следовательно начало влияния мягкой разновидности на твердую в Р ед. ч. надо отнести к той поре, когда окончание Р: -Е (Е) еще существовало в мягкой разновидности. Таким образом можно предположить, что взаимовлияние разновидностей началось в древнепсковском говоре или одновременно с взаимовлиянием, обнаруживаемым в древненовгородских памятниках XI в., или немного позже.

¹³ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 183.

¹⁴ А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 345.

¹⁵ В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 107.

¹⁶ А. А. Никольский. Язык Ипатской летописи. Варшава, 1889, стр. 67—68.

¹⁷ Н. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909 стр. 73.

¹⁸ А. Н. Добромыслова. К истории форм... стр. 93, 94, 97, 99.

¹⁹ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 181. 183.

3) Следующие псковские летописи были проанализированы нами с точки зрения совпадения РДМ ед. числа существительных с основой *-а, *-ја:

1) Синодальный список Псковской второй летописи. Он восходит к концу XV в.*

2) Строевский список Псковский третьей летописи, переписанный в 60-ых годах XVI в.

3) Тихановский список Псковской первой летописи. Он относится А. Н. Насоновым, издателем второго выпуска псковских летописей, к первой половине XVII в.²⁰

Под влиянием мягкой разновидности на твердую в Р ед. ч. появляясь в *-а основах окончание -Е** (Е): из Риге, Син 197. Таким образом в этой разновидности в окончании -Е совпадают РДМ: ОТ КИРЬЯПИГЕ, Син 128. К КИРЬЕПИГЕ, Син 1766, НА ПСКОВЕ, стр. 59, ДО СТЕНЕ, Син 2026, ПО СТАРОЙ СТЕНЕ, Син 1776. В ДОМОНТОВЕ СТЕНЕ, Син 178. Так как Д и М с флексией -Е, (Е), являясь исконными, не представляют собой ничего особенного. кроме приведенных ниже форм ДМ мы им здесь не уделяем внимания: ПО СТАРОЙ СТЕНЕ, Син 1776, В ДОМОНТОВЕ СТЕНЕ, Син 173, 1796, К СТАРОЙ СТЕНЕ, Син 1796, НА ЗАПАДНОЙ СТРАНЕ, Син 1806, НА ГРИМЯЧЕЙ ГОРЕ, Син 1776 и пр.

В Синодальном списке Псковской второй летописи нами отмечено 25 случаев употребления флексии -Е (Е) в Р *-а основ. ОТ ВЕЛИКОЙ РЕЦЕ 1796, ДО ПСКОВЕ 179*** ОТ БАИБОРОДЕ 1816, ОТ КИРЬЯПИГЕ 1826, ДО ЧЕРЕХЕ 184, ТОЯ ЗИМЕ 185, ПОЛПЯТЕ 185, ОТ ПСКОВЕ 1866, 187, 2006, ИЗ РИГЕ 197, ОТ ХЫТРЕ 2006, ДО СТЕНЕ 2026, У ПОХВАЛЕ СВЯТЫА БОГОРОДЦИ 2046, ДО ДОМОНТОВЕ СТЕНЕ 2046, БОЯШЕ БОЛЬШЕЙ СИЛЕ НЕМЕЦКОЙ 2056, ДО КОХОВЕ РЕКЕ 2056, НАЧА ИСКАТИ СТАРИНЪ ЗЕМЛИ И ВОДЕ И ВСЕХ ПОШЛИНЪ 2076, СРЕДИ СВОЕЙ СИЛЕ 2106, ПАЧЕ ПЕРВЫЯ ВОИНЕ 211, КОНЬ СРЕВНЕТЬ З ДОРОЗЕ 217, ИЗ НЕГО РУЦЕ 2176, ОТ СВОЕГО СЛУЗЕ 218, ОТ ВЕЛИКОЙ РЕКЕ 2186, ДО БОГОЯВЛЕНЦОВЕ СТЕНЕ 2186.

В Строевском списке Псковской третьей летописи отмечены нами следующие 96 случаев употребления флексии -Е (Е) в Р ед. ч. ДО РЕЦЕ ДО ОМОВЖЕ

* При сокращении названий и списков псковских летописей мы будем пользоваться следующими буквами: Син = Синодальный, Стр = Строевский, Тих = Тихановский список, если же речь будет идти о псковских грамотах, то их условно обозначим буквами Гр = псковские грамоты, изданные в сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М—Л., 1949. Псковские летописи мы изучали по изданиям: Псковские летописи вып. I, М., 1941. вып. II, М., 1955.

** По техническим причинам вместо буквы «ять» печатается буква «Е» с курсивом.

*** В данном месте речь идет о реке «Пскова»

²⁰ Псковские летописи. Вып. I, М., 1941, стр. 181, 183.

16, МАЛО ДРУЖИНЕ 16, 206, ХОТИТЕ ЛИ ПОЕХАТИ ВОЕВАТИ
ЛОТЫГОРЕ 206**, ОКОЛО МЕДВЕЖЬЕ ГОЛОВЕ 26, ПОДЛЕ СТАРОИ
СТЕНКЕ 386, ОТ БАИБОРОДЕ 486, ОТ КИРЬПИГЕ 50, ДО КИРЬ-
ПИГЕ 50. ДО СТОРОЖОВОЙ ИЗБЕ 52, НАМОСТИТИ МОСТЪ ВОНЬ
СТЕНЕ 606, (= вонъ, ср.: И. И. Срезневский, Материалы... I, 341.) ОТ
ПСКОВЕ 606, ТОЯ ЖЕ ВЕСНЕ 616, ОТ ВЕЛИКОЙ РЕКЕ 70, 115, 1156,
ОУ СВЯТОЙ РЕКЕ 76, ИЗ РЫГЕ 76, НА ПАМЯТЬ СВЯТОГО НИКОЛЕ
776, ОТ РИМСКАГО ПАПЕ 786, ПО БЛАГОСЛАВЕНИЮ АРХИЕПИС-
КОПА... ВЛАДЫЦЕ ЕОУФИМЬА 84, ОТ ГОБОЛЕ, ОТ МЯСТНИКА
926, О ПЕЧАЛОВАНИИ СВОЕА ОТЧИЗНЕ 946, ОУ ПОХВАЛЕ СВЯТЕИ
БОГОРОДИЦИ 1006, С ДРУГОИ СТОРОНЕ 1006, ОТ ПСКОВЕ РЕКЕ
1006, БОЯЛИСЯ БОЛЬШЕЙ СИЛЕ 1026, ДО КОХОВЕ РЕЦЕ, 1046, ПО-
МОЩИЮ СВЯТОГО НИКОЛЕ 1046, ТОЯ ЖЕ ЗИМЕ III, 2106, ХОТЯЧИ
МИРУ И ТИШИНЕ 112, ОТ РЕКИ ПСКОВЕ 113, ДО ВЕЛИКОЙ РЕКЕ
115, ОТ ГРЕМЯЧЕИ ГОРЕ 1156, ОТ КЛИМЯТЕ 118, ТОИ ЖЕ ВЕСНЕ
120, ТОЯ ЖЕ ЗИМЕ 125, 126, 1776 (2 раза), 178, 2106, ТОА ВЕСНЕ 127,
ИЗ РИГЕ 132, ТОЯ ЖЕ ВЕСНЕ 134, 1386, 150, 157, 1576, 1656, 167, 173,
1736, ОТ ВАС, СВОЕИ ВОТЧИНЕ ЧЕЛОБИТИЯ ХОЧЕТЬ 131, С НО-
ВОИ СТОРОНЕ 1356, ЗАГОРЕСЯ ВО ПСКОВЕ ЗА СТЕНОЮ ТОГО ЖЕ
МАТУТЕ ДВОРЕ 136, НИКАКОВЕ ОУПРАВЕ НЕ ОУЧИНИША 1386, С
ВЕШНЕ 1396, ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО НИКОЛЕ 142, С СТЕНЕ 1426, С
БЕЛЬСКОЙ ГУБЕ 144, А ИНОЯ СВОЕА ДРУЖИНЕ ИЗЫСТАВШЕ 145,
ИЗ РОУШЕ 146**, ОУ НАРЕЧЕНОГО ВЛАДЫКЕ 1466, ОУ ОКЕ РЕКИ 151,
ДО КИРЬПИГЕ 1526, НОЧЕВАШЕ ПОТОМ ВЪ СВЯТОГО НИКОЛЕ
153***, ОТ ВЛАДЫКЕ 156, ИСПРАВЕ НЕ ДАЕТЬ 1566, СВЯТОГО НИ-
КОЛЕ 1576, ОУПРАВЕ НЕ ОУНИЧИВШЕ 1576, 158, С ВЕЛИКОЙ РЕКЕ
1616, НИ КОЛОДЕ... НЕ ДЕРЖАТИ 164, ИМАТИ ОБОЯ, ТАКО ЖЕ
И ДЕНГЕ НАИМЕСТИЧИ 1666, ПОЛЬ ПЯТЕ ДЕНГЕ 168, ОУ РЕЧКЕ
1726, ОУ ЛОДЕ 1726, ОУ РЕЧКЕ, ОУ ЛОДЕ 173, С СВОЕА ВОТЧИНЕ
173 6, НЕ МОЖЕМЪ ВЫДАТИ ПОСЛИНЕ И СТАРИНЕ 1766, ТОЯ ЖЕ
ЗИМЕ 177 (2 раза) ОТ (ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПРИЕХАВ) СИЛЕ 1856,
СКОЛЬКО МОУКЕ ПШЕНИЧНОЙ И РЫБЕ 188, ИСПРАВЕ ПРОСИТИ
193, МНОГО ЧХОТЕ 1936, МНОЖЕ ЧХОТЕ 1936, МНОГО ПРОТОРЕ
1996, ОКОЛО ГРЕМЯЧЕИ ГОРЕ 203, МЕЖИ ПЕТРОВСКОЙ СТОРОНЕ
2076, ОТ БОЛЬШОИ СТЕНЕ 212, ОТ РЕКИ ПСКОВЕ 2126, ОТ МОСК-
ВЕ 213.

Насчет последней формы мы должны сделать замечание: в Суздальской ле-
тописи по Лаврентьевскому списку имеется форма вин. п. ед. ч. МОСКОВЬ,
на основе которой данное слово можно отнести к основам на *-и (доглогое).

** Глагол воевати в значении «разорять» управлял винительным падежом
(И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I,
299), ср.: ехавше повоеваше Лотыголу, Син 19, но здесь в значении пря-
мого дополнения употреблен Р части целого.

** Здесь речь идет о городе «Старая Руса»

*** По контексту и Архивскому второму списку здесь мы имеем дело с Р.

Несмотря на эту форму, в окончании -е Р ед. ч. мы не видим остатка старой флексии основ на *-и (долгое): *moskъve, ведь в памятниках русского языка слово Москва склоняется по основам на *-а.²¹

Кроме этих форм в Строевском списке летописи мы обнаружили еще один тип совпадения падежей. Помимо флексии Р ед. ч. твердом разновидности -ы появляется в ДМ ед. ч. окончание -ы. Таким образом мы имеем случаи следующего типа совпадения падежных флексий:

с Москвы 219, 233, 234,
к Москвы 72
на Москвы 1126, 172,

прясло стсны 1006
к стсны 198
в Домонтовы стсны 212.

Так как Р в этих случаях для нас не представляет интереса, приведем материалы с окончанием -ы в Д и М по Стр. списку.

СЕДЕ В МОСКВЫ 706 В ДОВМОНТОВЕ СТЕНЫ 776, К МОСКВЫ 72, 2036. 210 (2 раза), ПО ПСКОВСКОЙ СТАРИНЫ 1006, НА МОСКВЫ 1126, 172, К СТЕНЫ 198, ЦЕРКОВЬ У ГОРЫ БОЛЕ ИСКОПАША (где оу = в, по Архивскому II списку здесь имеется предлог В, ср. МОНАСТЫРЬ БЫЛЪ НА ГОРЕ) 205, НЕ ОУПРАВИВЪ СВОЕИ ОТЧИНЫ НИЧЕГО 2106, БЫСТЬ ЦЕРКОВЬ В ДОВМОНТОВЫ СТЕНЫ 2116, 212.

Кроме этих форм, в том же Строевском списке летописи можно обнаружить несколько таких образований, происхождение которых нуждается в проверке. При их изучении возникает вопрос, не вызваны ли они определенными фонетическими тенденциями, или не являются ли они просто явлениями графики.

Эти сомнительные примеры следующие: НА ЛУДВИ 356, ПО СВОЕИ ВЕРИ 986, ДО ПСКОВИ РЕКИ 1156, НА МОСКВИ 83, 126, 1486, 152, 155, 157, 1656, 178 (2 раза), но НА МОСКВЕ 218, УПРАВИ НЕ УЧИНИВ НИЧЕМУ 129, С МОСКВИ 1506, 1826, но С МОСКВЫ 219, 232, 234, ТОЯ ЖЕ ЗИМИ 1726, НА ВЕЛИКОЙ РЕКИ 2026, но и ВЕЛИКОЙ РЕКЕ 1936, НА ОПОЧКИ 205, К ВЕЛИКОЙ РЕКИ 207, В ТЮРМИ 208, ЦЕРКОВЬ СВЯТЫИ НИКОЛА НА ОУСОХИ 208, К МОСКВИ 213, но К МОСКВЕ 2236, К ОПОЧКИ 213, там же и К ОПОЧКЕ. (Флексия *И/Ы* в Д и М и флексия -И в Р твердой разновидности обнаружена 33 раза).

Изучая эти флексии, надо ответить на вопрос: не имеем ли мы здесь дело с переходом гласного [ě] в [i].

Н. Каринский, исследовавший Строевский список, отмечает, что в нем «замена Е через И... встречается редко.»²² Принимая его высказывание, мы можем предполагать, что интересующие нас формы возникли не на фонетическим путем, т. е. изменением [ě] в [i].

Сам Н. Каринский эти формы объясняет «неоднократной меной» букв *И* и *Ы* (хотя он не исключает возможность объяснения «неоднократной меной» *И* и *Е*).²³ В общем при объяснении этих флексий для Н. Каринского характерна определенная нерешительность. Примеры, приведенные им для мены *И* и *Ы* неоднородны и неубедительны. Говоря о мене *И* и *Ы* он различает

²¹ П. С. Кузнецов. Очерки... стр. 30, 35.

²² А. Каринский. Указанная работа, стр. 81.

²³ А. Каринский. Указанная работа, стр. 82.

случае употребления *И* вм. *Ы* в отдельных словах (как например: ОУБЫТЬ БЫСТЬ) от мены, обнаруженной в отдельных формах твор. п. мн. ч. *Случаи*, толкуемые *Н. Каринским* как вызванные меной *Ы* и *И* появляются в творительном падеже мн. ч. склонения прилагательных, местоимений и существительных: НИМЫ 98, ТЫМЫ ЧАСЫ 130, С КОНЬМЫ 141, КЗМЫ И СВОИМИ БОЯРЫ 194²⁴. Кроме «мены *И* и *Ы*» эти формы можно объяснять по-разному. Можно думать, что в этих случаях употребление букв *И* и *Ы* было вызвано отверждением губного согласного, но можно объяснить мену (у существительных) и контаминацией твор. п. -ми с твор. п. *-о основ, с окончанием -ы. Наконец, можно в этой мене видеть явление графики, возникшей под влиянием среднеболгарских памятников. *Б. М. Ляпунов* в своем отзыве о книге *Н. Каринского* «Язык Пскова и его области в XV веке» об этих формах пишет следующее: «здесь мы имеем очевидно, не фонетическое явление, а результат морфологической аналогии».²⁵

Современные говоры, имеющие флексию *-И* в предложном падеже ед. ч. существительного *Москва*, убеждают нас в том, что форма на *Москви* 83, 126, 148 и пр. действительно является формой живого древнепсковского говора (Ср.: в *Москви* в поморских говорах)²⁶. Если мы хотим дать морфологическое объяснение этим фактам, то для нас также имеется несколько возможностей.

Их появление можно приписывать влиянию, идущему со стороны мягкой разновидности, но можно предполагать и аналогию, идущую извне системы основ на *-а, *-ја и видеть в появлении этих форм влияние основ на *-ѣ²⁷. Согласно нашему предположению, высказанному о причине совпадений РДМ, мы в этих формах скорее видим воздействие мягкой разновидности на твердую. Однако и при этом объяснении также надо решить определенные проблемы.

А. Н. Добромыслова, обследовавшая формы ДМ на *-Ы*, *-И* в северновеликорусских говорах, флексию ДМ на *-Ы*, *-И* объясняет влиянием мягкой разновидности на твердую. По ее мнению сначала под влиянием мягкой разновидности в основах на *-а появляется окончание *-И*. Так как перед этим окончанием мягкий согласный основы был «противопоставленным» другим формам, имеющим твердый согласный основы, вследствие тенденции к сохранению твердого согласного основы, формы на *-И* заменялись формами на *-Ы*.²⁸ Теория *А. Н. Добромысловой* применяется только к объяснению ДМ на *-И*, *-Ы* и ею мы не можем объяснить формы Р. ед. ч. с *-И* в твердой разновидности: ДО ПСКОВИ РЕКИ 1156, С МОСКВИ 1506, ТОЯ ЖЕ ЗИМИ 1726. Если мы хотим объяснить и эти формы, то мы должны искать другие причины, вызвавшие их. *А. А. Шахматов* в своем «Исследовании о языке новгородских грамот XIII и XIV века» указывает на то, что в XIII—XIV вв. в древненовгород-

²⁴ *Н. Каринский*. Указанная работа, стр. 82.

²⁵ *Б. Ляпунов*. Отзыв о сочинении *Н. М. Каринского* Язык Пскова и его области в XV веке. Сборник отчетов о премиях и наградах СПб, 1912, № 4. стр. 512.

²⁶ *П. С. Кузнецов*. Очерки... стр. 41.

²⁷ *П. С. Кузнецов*. Очерки... стр. 27.

²⁸ *А. Н. Добромыслова*. К истории форм... стр. 98.

ском говоре было широко распространено взаимовлияние разновидностей основ. Под влиянием Р ед. ч. на *-И* мягкой разновидности в твердой возникла флексия *-И* типа ХВАЛИ, флексия *-И* в ДМ также возникла под влиянием мягкой разновидности, где флексия *-И* задерживалась дольше, чем в Р. Предполагая богато развитое взаимовлияние разновидностей совсем понятно, что «в твердых основах получалась для род., дат. и мес. одна общая форма ХВАЛЕ или же ХВАЛИ точно также, как в склонении мягких основ для род., дат. и мес. являлось ЗЕМЛИ или ЗЕМЛЕ.»²⁹ Представление о тождестве по звуку РДМ вызвало появление РДМ на *-Ы*.

На наш взгляд предположение А. А. Шахматова (имеющее определенные моменты, которые позже были использованы и Н. А. Добромысловой) вполне приемлемо для объяснения особенностей древнепсковского склонения существительных.

Чтобы глубже узнать особенности языка Стр, мы распределили особенности склонения по писцам:

писцы	листы	тип флексии	тип флексии
1	4—2146	Е, Е	Ы, И
2	2146—2386	—	—
3	1—36	Е (1 раз)	—
4	42—426	—	—
5	51—516	—	—
6	53—546	—	—

Как видно из этой таблицы, диалектизмы падают кроме одного случая на работу первого писца, списавшего большую часть рукописи. В работе остальных 4 писцов вовсе нет диалектизмов, только у третьего находим один случай употребления флексии *-Е*, причем распределение диалектных форм у второго писца неодинаково: флексия Р с *-Е* (Е) встречается у него начиная с 1 л. до 213 л., флексия *-Ы*, *-И* ДМ находим начиная с 35 л. до 213 л. Наши наблюдения подтверждает высказывание Н. Каринского, отметившего, что на местах 2146, — 238 «почти не наблюдаем диалектической опраски.»³⁰

В Тихановском списке Псковской первой летописи обнаружено нами небольшое количество случаев синкретизма: всего 17 раз, из них *-Е* (Е) в Р встречается 15 раз.

НА ГОРЕ НА ЖАРАВИ 276, ОКОЛО МЕДВЕЖИИ ГОЛОВЕ 35, ОТ КИРЬПИПЕ 38, ДО КИРЬПИПЕ 38, ОУ РЕЦЫ 40 (2 раза), ОТ ВЛАДИЦЫ 556, ОТ РИМСКОГО ПАПЕ 586, А ВСЕЙ ПРОТОРИ ПОЛТАРОСТА РУБЛЕВЪ 61, ОТ ХИТРЕ 64, ДО ДОМНОТОВЕ СТЕНЕ 766, БОЯЛИСЯ БОЛЬШЕИ СИЛЕ 786, ДО КОХОВЕ 79, ДО (КОХОВЕ) РЕЦЕ 79, ДО ПЪСКОВЕ, ОТ ПСКОВЕ 86, ОУ СТАРОИ СТЕНЕ 87.

Из форм, имеющих в Тих, большое количество составляет флексия Р на *-Е* (Е) и только два раза встречаем в ДМ флексию *-И*. Среди форм, отмеченных нами в Син, Стр, Тих списках псковских летописей, выделяется особая

²⁹ А. А. Шахматов. Исследование... стр. 91.

³⁰ Н. Каринский. Указанная работа, стр. 77.

группа форм, объяснение которых вызывает трудности. Для них характерно чередование к//ц, г//з, указывающее на то, что они сначала были флексиями Д падежа: ОТ ВЕЛИКОЙ РЕЦЕ, Син 1796, ИЗ НЕГО РУЦЕ, Син 2176, ДО РЕЦЕ, Стр 16, ДО КОХОВЕ РЕЦЕ, Стр 104, З ДОРОЗЕ, Син 2176, ОТ ТВОЕГО СЛУЗЕ, Син 218, ОУ РЕЦЫ, Тих 40 (2 раза), ОТ ВЛАДЫЦЫ, ТИХ 556. Совпадение РДМ привело к тому, что форму Д стали употреблять вместо Р. Этим смещением падежных форм объясняются приведенные выше формы. Подобного рода случаи употребления флексии Д на месте Р приведены были А. И. Соболевским. Он отмечает, что только «старшие памятники, исключительно новгородского происхождения» имеют такие формы как ВЪ РУЧЕ СВОЕГО СЫНА И ВЛАДЫЦЕ³¹.

На основании того, что такие формы были обнаружены в трех псковских летописях, мы можем утверждать, что употребление флексии Д на -Е (Е) вместо Р было свойственно и древнепсковскому говору. Особого внимания заслуживают те случаи, где на месте -Е имеется -Ы: ОУ РЕЦЫ, Тих 40 (2 раза) ОТ ВЛАДЫЦЫ, Тих 556. Они восходят к формам РЕЦЕ, ВЛАДЫЦЕ. Однако из флексии -Е нельзя объяснить флексию -Ы. Она объяснима только из флексии с — И. Такие формы встречаются в некоторых памятниках русского языка: ОТ БЕРЕЗИ, ДО БЕРЕЗИ, Двин. ск. гр. 1667 г. А. И. Соболевский предполагает, что в этих случаях из флексии -Е возникла -И изменением гласного Е в И.³² Это предположение не приемлемо для Тих, в котором нет достоверных примеров изменения Е в И. Несмотря на отсутствие такого изм.-я, флексию -Ы, перед которой имеется согласный ц, можно возводить только к флексии -И. Думается, что имеющиеся, по происхождению, формы Д вместо Р могли подвергаться действию аналогии: то есть формы *РЕЦЕ, *ВЛАДЫЦЕ под влиянием Р мягкой разновидности (где было обобщено окончание -И) усвоили флексию -И, в которой потом (после отвердения согласного ц) гласный И изменился в Ы.

4) Чтобы получить более детальную картину интересующего нас явления, мы проанализировали псковские грамоты, язык которых ближе стоит к живой псковской речи. Данные этих грамот следующие: ПОЛУТРЕТИЕ ГРИВНЕ № 332 (XIV в.), 4 БОЧКЕ № 336 (1463—65 гг.), У ХОМЯ (=ФОМЕ) № 342 (XV в.), ДО ПИРОШКОВИЧЬ НИВЕ, ОТ ПИРОШКОВИЧЬ НИВЕ № 345 (XV в.), ИЗ РЕКЯ (=РЕКЕ) № 346 (XV в.), С ДРУГОЙ СТОРОНЕ там же. В ТОИ РЕКИ № 340 (1483) ПО ПСКОВСКОЙ ПОШЛАННЫ там же, ДАЕТЬ СВЯТОМУ НИКОЛЫ № 344 (XV в.), ДАЕТЬ ЖЕНЕ КАТЕРИНЫ, там же.

Из цитированных форм особого внимания заслуживают те, в которых помимо морфологического диалектизма налицо и фонетический. Образования, как У ХОМЯ, ИЗ РЕКЯ объясняются только из ФОМЕ, РЕКЕ. Гласный [e] в конечном открытом слоге после мягкого согласного изменялся в [a], который передается буква я.³³ В слове ХОМЯ, кроме того, обнаруживается и другая фоне-

³¹ А. Н. Соболевский. Указанная работа, стр. 202.

³² А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 183.

³³ Б. М. Ляпунов. Указанная работа, стр. 553—554.

тическая особенность древнепсковского говора: согласный [ch] на месте чуждого для псковичей согласного [f].

5) Имеющиеся в нашем распоряжении материалы падежного синкретизма подразделяются на 2 группы:

- а) предложные конструкции
- б) беспредложные конструкции.

а) Сначала мы рассмотрим употребление предложенных конструкций с точки зрения того, какие предлоги чаще всего употреблены в них.

Флексия -Е (Е)

предлог	Син	Стр	Тих	Гр	Итого
от	9	20	5	1	35
до	6	6	5	1	18
у	1	9	4	1	15
из	2	3	—	1	6
с (з)	1	7	—	1	9
среди	1	—	—	—	1
подле	—	1	—	—	1
около	—	2	1	—	3
межи	—	1	—	—	1
вонь	—	1	—	—	1
Итого	20	50	15	5	90

Флексия И/Ы

	Стр	Тих	Гр	Итого
в	5	—	1	6
к	8	—	—	8
на	14	1	—	15
по	2	—	—	3
до	1	—	1	1
с	1	—	—	1
Итого	31	1	2	34

По нашим данным в предложных конструкциях флексия Р -Е (Е) употребляется в Син, Стр, Тих, Гр 90 раз. Она чаще всего сочетается с предлогами *от, до, у, с (з)*. Среди них на первом месте стоит *от* (35 случаев) на втором *до* (17 случаев), на третьем *у* (14 случаев). Эти примеры свидетельствуют о том, что окончание -Е (Е) в Р использовалось особенно широко там, где конструкция выражала пространственное значение. Они обозначают направление действия. Хорошо показывает значение этих образований цитата по Строевскому списку летописи под 1466 г.: «И ЗАЛОЖИША СТЕНОУ ДЕРЕВЯНУ ОТ ВЕЛИКОЙ РЕКЕ. ОТ МОНАСТЫРЯ, ОТ ПОКРОВА СВЯТЕИ БОГОРОДИЦИ ДА И ДО ПСКОВИ РЕКИ, А ОТ ПСКОВЕ РЕКЕ НА ЗАПИСКОВЫЙ ЗАЛОЖИША ОТ ГРИМЯЧЕИ ГОРЕ ДА ДО ВЕЛИКОЙ РЕКЕ 115, 1156.) Наши данные с одной стороны подтверждают высказывания А. Н. Добромысловой о том, что некоторые позиции были осо-

бенно благоприятны для возникновения новых форм, — но с другой — отличаются от материалов, собранных ею. По нашим наблюдениям именно сочетания с предлогами *от, до* были особенно благоприятны для употребления флексии *-Е (Е)*, а не сочетания с предлогом *у*, как это считает *А. Н. Добромыслова*³⁴.

На основе случаев употребления флексии *-Е (Е)* в *Р* в древнепсковском говоре, мы можем точнее определить его характер. Окончание *-Е (Е)* употреблялось в древнепсковском говоре широко, не только в сочетании с предлогом *у*. В этом отношении он отличался от тех говоров, в которых (и в наши дни) окончание *-Е* употребляется только в конструкции с предлогом *у*. Такие говоры встречаются вокруг Москвы.³⁵

Окончание *-И/Ы* в *ДМ* падежах употреблялось главным образом в сочетании с предлогами. Флексия *-И/Ы* в *ДМ* падежах чаще всего употребляется при предлогах *на* (15 случаев), *к* (8 случаев), *в* (6 случаев).

б) Беспредложное употребление флексии *-Е (Е)* имеет следующие особенности:

Флексия *-Е (Е)*

Тип конструкции	Син	Стр	Тих	Гр	Итого
Обстоят. времени	1	22	—	—	23
При неопр. числительных					
много	—	3	—	—	3
мало	—	—	—	—	—
сколько	—	1	—	—	1
Род. части целого	—	3	—	—	3
Род. принадлежности	—	7	—	—	7
После отрицания	—	6	—	—	6
Сочетания с числительными	1	1	—	1	3
При сравнении	1	1	—	1	3
С отдельными глаголами:					
просити, хотети, боятися, дати	2	3	—	—	6
Итого	5	46	1	1	53
Флексия <i>-И/Ы</i>					

В беспредложном сочетании она встречается в *Стр* 2 раза, в *Тих* 1 раз и в *Гр* 2 раза.

Таким образом сравнительно небольшое количество случаев (5 случаев) противостоит преобладающему большинству предложного употребления флексии *-И/Ы* (34 случая, соотношение — 4:34). Ввиду небольшого количества беспредложных конструкций с окончанием *-И/Ы* в *ДМ* падежах, не будем заниматься ими. Данные о беспредложных конструкциях в наших источниках указывают на то, что среди них первое место принадлежит обстоятельству вре-

³⁴ *А. Н. Добромыслова. К истории форм...* стр. 49.

³⁵ *Русская диалектология под редакцией Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 104.*

мени (23 случая), родительный принадлежности стоит на втором месте (7 случаев), а родительный после отрицания на третьем (6 случаев). Имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что *наиболее развитое и многостороннее употребление падежного синкретизма встречается в Стр.* В нем предложное употребление флексии -Е (Е) в Р флексии -И/Ы в Д и М и в Р твердой разновидности обнаруживается 81 раз, беспредложное употребление в тех же падежах составляет 48 случаев. Строевский список летописи отличается от Син и Тих не только богатством употребления синкретичных форм. В этом отношении Стр противостоит Тих (хотя здесь имеется ввиду не весь Стр, только листы 4—2146), который беднее всех в диалектных формах.

Тих не только в морфологическом, но и фонетическом отношении мало отражает диалектизмы древнего Пскова. Как объясняется эта особенность Тих? Известно, что он был переписан в первой половине XVII в. А. И. Соболевский указывает на то, что в XVI—XVII вв. в псковских памятниках явные диалектизмы начинают ослабевать.³⁶ Подобное явление наблюдается и в новгородских памятниках. Вытеснение местной речи произошло, несомненно, под влиянием языка Москвы, московского делового языка. Как на параллельное явление мы хотели бы указывать на то, что в Повести о приходе Стефана Батория на град Псков особенности местного говора почти не отражены. Предполагается, что в Тих при переписке — за небольшим исключением — были сглажены диалектизмы. Таким образом Тихановский список, представляющий собой древнейший свод псковских летописей, восходящий к 1496 г.³⁷, мало дает для изучения древнепсковского говора (с точки зрения фонетики и морфологии). Изученные списки псковских летописей как будто отражают судьбу диалектизмов. Син представляет собой ту эпоху, когда диалектизмы начинают появляться в древнепсковской письменности. В Стр видим возможное, при определенных условиях жанра, богатство и многостороннее отражение употребления диалектных форм. В Тих как бы перед нашими глазами происходит их вытеснение под влиянием московского делового языка. Вытеснившись из языка литературы, диалектные формы продолжали существовать в псковских говорах, как об этом свидетельствуют современные псковские говоры, в которых можно наблюдать определенные типы падежного синкретизма.

Ниже мы привели некоторые диалектизмы псковских говоров, свидетельствующие о наличии старых особенностей и в современных говорах. Окончание -е в Р втрелается в них в таких случаях: п'асок з гор'е уб'ирали, Лисицы Пушк. р—н, с мајеј рук'е, Горька Беж. р—н, из'бе н'ет в јој, Тучи Пушк. р—н, да з'им'е, Поляне Пушк. р—н.

Совпадение РДМ в окончании -ы наблюдается в таких случаях, как: у жан', у с'астры, к с'астры, к избы, на свад'бы, на вады, на шубы, на вајны, д. Луневщина-береговая Псковск. обл, в жаны, после работы, г жены, к с'астры, на воды д. Гверестка Гдовск. р—н. у мамы, у школы, к школы, к торбы, к вады, ф ф'ермы, на скат'ины д. Верховье Лядский р—н., был л'ес на

³⁶ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1902, стр. 31.

³⁷ Псковские летописи. М., 1941, стр. Lxii.

горы. Демидово Вл. р—н, г з'имы Духново, Оп. р—н, в узбы, у м'ен'я ф'со, Устье Остр. р—н.**

6) Данные псковских летописей позволяют нам сделать несколько выводов о характере синкретизма в древнепсковском говоре.

1) Раньше всего появилась флексия *-Е* (Е) в Р ед. ч. у существительных с основой на **-а*. Можно думать, что в начале она употреблялась в предложной конструкции, где особенно широкое распространение получила она в сочетаниях с предлогами *от, до, у, из*. Вторая фаза в истории флексии *-Е* (Е) в Р ед. ч., когда она начинает употребляться в беспредложных конструкциях.

2) Флексия *-Е* (Е) в Р ед. ч. не была исключительной в древнепсковском говоре. Наряду с ней существовало и окончание *-Ы*. В этом отношении особый интерес представляет собой данные Стр. в которых чаще остальных списков встречается *-Е* (Е) в Р. В нем 96 раз обнаруживается флексия *-Е* (Е). Окончание *-Ы* в Р ед. ч. фигурирует 161 раз.

3) Флексию *-Е* (Е) можем обнаружить не только в Р падеже существительных с основой на **-а*. Она встречается и у кратких прилагательных, хотя и у них тоже не является исключительной: ДО ДОВМОНТОВЕ СТЕНЕ, Син 2046, ДО БОГОЯВЛЕНЦОВЕ СТЕНЕ, Син 2186, ОТ БУРКОВЕ ЛАВИЦЫ, Син 2006, ДО КУКЛИНЕ ЛАВИЧИ, Син 2026, ДО МЕДВЕЖЬЕ ГОЛОВЕ, Стр 266, ОУ ТРОУПИХОВЕ УЛИЦИ, Стр 62, ОТМЕТНИКЪ ВЕРЫ ХРИСТОВЕ, Стр 78, ОТ БОРКОВЕ ЛАВИЧИ, Стр 876, ДО КУКЛИНЕ ЛАВИЦИ, Стр 926, (2 раза), ОТМЕТНИКЪ ВЕРЫ ХРИСТОВЕ, Тих 576, ОТ БОРКОВЕ ЛАВЧИНЫ Тих 64, ДО ДОМАНТОВЕ СТЕНЕ, Тих 766. Подобным же образом и флексия *-Ы* может фигурировать в М ед. ч. кратких прилагательных: В ДОМОНТОВЫ СТЕНЫ, Стр 2116, 212, ОУ МЕДВЕДЕВЫ МОНАСТЫРЕ (ОУ = В), Стр 210.

4) По употреблению флексии *-Е* (Е) древнепсковские говоры были похожи на те современные говоры русского языка, в которых окончание *-Е* в Р употребляется наряду с окончанием *-Ы* (И).³⁸

5) На основе данных наших источников мы стараемся провести параллель между древнепсковскими и современными псковскими говорами, хотя это сопоставление считается только попыткой классификации древнепсковских говоров. По Б. Унбегану современные псковские говоры принадлежат к той группе диалектов, для которых характерно употребление флексии РД и предложного падежей на *-Ы, -И*.³⁹ По нашим данным древнепсковские говоры принадлежат к другому типу говоров: именно к тому, в которых в Р встречалась флексия

** Данные современных псковских говоров взяты из анкет Диалектологического кабинета ЛГУ им. А. А. Жданова. Автор выражает благодарность кабинету, за то, что имел возможность познакомиться с анкетами и картотеками современных псковских говоров. Одновременно автор приносит благодарность проф. М. А. Соколовой, прочитавшей данную статью в рукописи за ее ценные советы.

³⁸ Русская диалектология... стр. 103.

³⁹ В. Unbegaun. Указанная работа, стр. 49.

-Е (Е), а для ДМ употреблялась флексия -Ы (И)⁴⁰, причем реже могла употребляться флексия -И в Р твердой разновидности. Конечно наше предположение не является окончательным и при дальнейших исследованиях могут получиться другие результаты, на основе которых мы должны будем классифицировать древнепсковские говоры иначе.

Для того, чтобы получить детальную картину о синкретизме в древнепсковских говорах, надо продолжать дальнейшее изучение памятников с одной стороны и современных говоров с другой—.

⁴ В. Unbegaun. Указанная работа, стр. 48.

К ИСТОРИИ ФОРМ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ТРЬЕ (ТРИЕ), ТРИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Х. ТОТ

Количественное числительное ТЬРЕ (ТРИЕ), ТРИ склонялось по основам на - и употреблялось только во множественном числе. В старославянских памятниках в твор. п. мн. ч. оно обыкновенно имеет форму ТРЬМИ. В известных нам грамматиках старославянского языка¹ и работе А. Е. Супруна² «Старославянские числительные» приводится только эта форма.*

Наряду с формой ТРЬМИ в памятниках восточнославянских языков встречаются и другие формы твор. п. мн. ч. числительного ТРЬЕ (ТРИЕ), ТРИ.

В «Материалах» И. И. Срезневского приводятся следующие формы: ТРЬМИ НЕДЕЛЯМИ** (Нест. Жит. Феод.)³, ТРЕИМИ СВОИМИ ПЕРСТЫ (Жит. Анд. Юр.)⁴, Ф. И. Буслаев в своей Исторической грамматике также приводит формы с ТРЕ-: СО ТРЕИМИ ТЫСЯЧАМИ (Ипатьевск. сп.)⁵, ТРЕИМИ ЕЛМИ (Грамота 1519 г.)⁶. Последние формы не обнаруживаются в исторических грамматиках русского языка А. И. Соболевского⁷, П. С. Кузнецова⁸. Не находим их в исторической грамматике В. И. Борковского и П. С. Кузнецова⁹.

У исследователей русского языка можно отметить еще и другие варианты твор. п. мн. ч.

А. И. Соболевский привел в своих лекциях по истории русского языка фор-

* Автор выражает глубокую благодарность А. Супруну за его ценные советы.

** По техническим причинам вместо букв «ять», «юс малый» напечатаны *Е* (курсивным шрифтом) и *Я* (курсивным шрифтом).

¹ Напр.: Р. Diels: *Altkirchenslavische Grammatik*, Heidelberg., 1932, стр. 217.

² А. Супрун. Старославянские числительные. Фрунзе., 1961, стр. 49.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. т. III, СПб., 1903, стр. 992.

⁴ И. И. Срезневский. Указанная работа, стр. 995.

⁵ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского я-а. М., 1907, стр. 240.

⁶ Ф. И. Буслаев. Указанная работа, стр. 240.

⁷ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М. 1907, стр. 166, 208, 222.

⁸ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика. М., 1953, стр. 172.

⁹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика. М., 1963, стр. 239.

му *ТРЫМА* из западно-русской грамоты 1475 г.¹⁰ Приведенный им вариант, несомненно, является отражением белорусского произношения *ТРЫМА*. Подобным же образом на белорусский язык указывает форма *ТРИМА ПУТЬМИ*, встречающаяся в Летописи Аврамки¹¹.

В Исторической морфологии русского языка *А. А. Шахматова*, наряду с приведенной из Летописи Аврамки формой, встречается еще один, заслуживающий нашего внимания вариант: *СО ТРИМИ ПРИСЕЛКИ* (Краковская гр. 1388 г.)¹² Помимо этой формы *А. А. Шахматов* указывает на вариант *ТРЕМА*: *ТРЬМА МЕР* (Пант. ев.)¹³.

Как видим, наряду с этимологически правильной формой памятникам восточнославянских языков известны и другие варианты: *ТРЕМА*, *ТРЕИМИ*, *ТРИМА*, *ТРИМИ*.

Рассмотрев перечисленные выше варианты твор. п. мн. ч. числительного *ТРЬЕ* (*ТРИЕ*), *ТРИ*, мы более подробно остановимся на последнем.

А. А. Шахматов, приводя форму с основой на *ТРИ-*, объясняет и ее возникновение, указывая на то, что она возникла под влиянием формы им. п. женского и среднего родов. Но он не исключает и возможности фонетического объяснения формы *ТРИМИ* из *ТРЬМИ*, как это явствует из его примечаний в скобках.¹⁴

Относительно приведенных *А. А. Шахматовым* данных можно сделать следующие выводы:

- 1) Вариант *ТРИМИ* цитируется из довольно позднего источника (XIV в.).
- 2) Встречается в памятнике формировавшегося языка украинской народности.

Таким образом, в Исторической морфологии *А. А. Шахматова* не находим примеров на данный вариант из памятников более раннего периода, ни из памятников более поздних времен (русского языка). Не приводит он данных на эту форму из говоров русского языка.

Кроме названного источника, в отдельных украинских грамотах XIV в. встречается форма: *ТРИМИ СТРЕЛЦИ* (Гр. 1377 г.)¹⁵.

Форма *ТРИМИ* встречается, однако, в памятнике, написанном в более раннюю эпоху. В Евангелии № 104 Румянцевского Фонда ГБЛ имеется — по нашим сведениям — до сих пор не отмеченная форма *РАЗОРЯЯ И ЦРКВЬ ТРИМИ ДНЬМИ СЪЗИДАЯ* л. 155. Чтобы определить, можно ли данную форму считать действительно достоверным указанием на существование вариан-

¹⁰ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 208.

¹¹ Е. Ф. Карский. Особенности языка и письма рукописного сборника XV в., именуемого летописью Аврамки. (Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 368.)

¹² А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 304.

¹³ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 301.

¹⁴ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 304.

¹⁵ О. П. Безпалько. Історична грамати́ка української мови. Київ., 1957, стр. 309.

та твор. п. мн. ч. числительного *ТРЪЕ (ТРИЕ), ТРИ*, мы должны сделать несколько выводов относительно Евангелия № 104 и его языка.

1) По палеографическим особенностям *А. Х. Востоков* относит Евангелие-апракос к концу XII в. или началу XIII в.¹⁶

2) Памятник был написан на севере, о чем свидетельствуют частое смешение букв *Ц* и *Ч* и употребление сочетаний букв *ЖГ* на месте общеславянского *ždž*: *ВЪДОВИЧА* 636, 1046, 108, *ВЪ ДЕСНИЧЮ* 154. *О ДОЖП* 87.

3) Язык Евангелия № 104 довольно архаичен. Сочетания *търт, тѣт, тѣрт* сохранены и пишутся правильно: *ВЪЛАКА* 736, *ДОВЪЛНО* 1166.

Нет перехода *ѡ, ѡ в о, е* и в сочетаниях типа *търт, тѣт, тѣрт, тѣт*, как в этом убеждает нас их правильное написание: *ПЛѢТЬСКИ* 16, *ПЛѢТЬ* 136, 142, *ТРѢСТЬ* 133 и пр.

Как можно ожидать и на основании употребления букв *ѡ, ѡ в о, е* в сочетаниях *търт, тѣт*, нет случаев перехода *ѡ, ѡ в о, е* в сильной позиции, хотя отражение падения редуцированных в слабой позиции можно обнаружить.

4) Буквы *е* и *и* в памятнике не смешиваются.

5) Косвенные падежи числительного *ТРЪЕ* пишутся правильно через *ѡ*: *ТРѢМИ* 5, 56, 51, 52, *ТРѢМЪ* 67, *ТРѢХЪ* 1276, 1576.

Характеристика языка памятника говорит в пользу нефонетического объяснения интересующей нас формы. Вследствие этого для нас остаются следующие возможности:

1) считать эту форму внесенной из протографа,

2) считать ее опиской,

3) видеть в ней отражение живого языка.

Что касается первой возможности, то мы должны сказать, что в некоторых памятниках XIV-XV вв. псковского происхождения появляется форма *ТРИ-МИ*, а именно в Сборнике 1348 г., Палее 1494 г.¹⁷

Выдающийся знаток древнепсковских памятников и древнепсковского наречия *Н. Каринский* эти формы считает болгарским написанием, видя в них отражение среднеболгарских памятников, знающих мену букв *е* и *и*¹⁸. Такого рода объяснение формы *ТРИМИ* в Евангелии № 104 отпадает, если учесть, что для этого памятника не характерна мена букв *е* и *и*, что исключает среднеболгарское влияние.

Говоря о второй возможности, мы можем принять ее только в том случае, если нам не удастся найти правильное морфологическое объяснение данного варианта.

Ввиду того, что для объяснения этой формы представляется возможность морфологического объяснения (о чем будет речь ниже), в этом написании можно видеть отражение живого русского языка той поры, когда Евангелие № 104 списывалось.

К этому выводу мы пришли на основании следующих фактов.

¹⁶ *А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. 1842. Под № CIV.*

¹⁷ *Н. Каринский. Язык Пскова и его окрестности в XV в. СПб., 1909. стр. 159.*

¹⁸ *Н. Каринский. Указанная работа, стр. 158.*

Памятниками, легшими в основу литературных языков украинской и белорусской народностей засвидетельствованы формы на *ТРИ* с конца XIV в. Такие формы по *А. А. Шахматову* возникли путем ассоциативной связи между формами именительного падежа и формами косвенных падежей¹⁹. Если такого рода ассоциация действительно вызвала появление варианта *ТРИМИ*, то можно допустить, что такая связь между формами этого числительного могла установиться уже раньше XIV века. О том, что определенные ассоциации между формами мужского и женского рода могли возникнуть в XI—XII веке, говорят случаи употребления формы им. п. женского рода в функции мужского рода: *ТРИ ДРУЗИ* Свят. сб., *ТРИ БРАТЬЯ* Пат. Синайск.²⁰

Как показывают данные, собранные *Г. И. Матвеевой*, некоторые диалекты современного великорусского языка имеют вариант с основой *ТРИ*: *ТРИМИ* — Смол. обл., д. Лоскогово, *ТРИМИ* — Ниж. губ., Конатуровск. вол., *ТРИМИ* Курск. обл., с. Изюосково²¹. (Не исключена возможность, что при дальнейшем исследовании будут обнаружены такие формы и в иных говорах русского языка).

Г. И. Матвеева собранные ею диалектизмы объясняет также морфологически: влиянием именительного падежа на формы косвенных падежей.

По ее же мнению, эти варианты «встречаются очень редко, возникли они сравнительно недавно и не связаны с определенной территорией.»²²

Если сравнить между собой данные, введенные в научный оборот *Г. И. Матвеевой* и форму Евангелия № 104, то возникает вопрос, можно ли видеть в них отражение общего морфологического процесса, вызывающего к жизни эти варианты. Объяснение *А. А. Шахматова*²³ относительно появления формы *ТРИМИ* в памятниках XIV в., по нашему мнению, применимо и к памятнику XII—XIII вв.

Аргументацию *А. А. Шахматова* о морфологическом начале изучаемого варианта можно подкрепить еще одним моментом.

Известно, что достоверные примеры употребления вин. п. мн. ч. м. р. в функции им. мн. встречаются в памятниках XIII в. преимущественно северного происхождения²⁴. Евангелие № 104 было переписано на севере и ему известны некоторые случаи употребления вин. п. мн. ч. м. р. в функции им. п. мн. ч.: *МЫТАРЕ И ЛЮБОДЕИ ЖЕ И ЛЮБОДЕИЦА ЯША ЕМОУ ВЕРОУ* 426, *СТАРЕИШИНЫ ЖЬРЬЧЬСКИ ВЪСТАВИША НАРОДЪ* 1126, *СЪВЕЩАША ЖЕ СТАРЕИШИНЫ ЖЬРЬЧКИ И КНИЖЬНИКИ* 128.

Таким образом, наряду с ассоциативной связью со стороны им. п. мн. ч. м. р., можно предполагать такую связь и между формами косвенных падежей и формой вин. п., которая была общей, безразличной к роду формой.

¹⁹ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 304.

²⁰ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 194.

²¹ Г. И. Матвеева. Числительные два, три четыре в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». т. I. М., 1959, стр. 92.

²² Г. И. Матвеева. Указанная работа, стр. 92.

²³ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 304.

²⁴ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 194.

Не исключено, что именно на севере как следствие употребления вин. пад. мн. ч. м. р. в функции им. п. мн. ч. м. р. и как следствие ассоциативной связи им. падежа с косвенными падежами возникла *общая форма для всех родов в им.-вин. падеже с основой на ТРИ-*, которая в одних диалектах древнерусского языка потом обобщалась в твор. п., в то время как в других обобщалась аналогическим путем основа *ТРЕ-*. Таким образом в формах, встречаемых в XIV в., можно видеть дальнейший остаток предполагаемой древнерусской формы в отдельных говорах языков, формировавшихся восточнославянских народностей. В результате этого предположения отпадает и возможность фонетического объяснения форм *ТРИМИ* и *ТРИМА* из *ТРЬМИ* в памятниках украинского и белорусского языков.

Подводя итоги наших наблюдений, мы считаем возможным предполагать, что древнерусское *ТРИМИ*, с одной стороны, и *ТРИМИ* в современных русских говорах с другой, возникли вследствие одного и того же морфологического процесса и, таким образом, в современных русских диалектных формах с *ТРИМИ* можно видеть продолжение древнерусской диалектной формы.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ С ПОМОЩЬЮ ПРЕДЛОГОВ «В» И «НА» В КОНСТРУКЦИЯХ, ОТВЕЧАЮЩИХ НА ВОПРОС КОГДА?, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. ПЕТЕ

Предлоги *в* и *на* могут употребляться в современном русском языке для выражения времени в конструкциях, обозначающих момент времени и продолжительность времени. Первый тип конструкций отвечает на вопрос *когда?*, второй же тип — на вопросы *как долго?* *сколько времени?* При рассмотрении вопроса употребления этих предлогов во временном значении возникают следующие проблемы:

- а) случаи употребления предлогов *в* или *на*,
- б) употребление после этих предлогов винительного или предложного падежа,
- в) случаи, когда употребление этих предлогов оказывается невозможным,
- г) синонимические и трансформационные возможности этих конструкций.

В этой статье мы занимаемся только проблемами употребления этих предлогов при обозначении времени на вопрос *когда?*

1) Основным способом обозначения обстоятельств, которые указывают на действие или признак, происходящее в *определенный момент времени*, является в + винительный падеж. (По В. Николаеву 23,5% употребления этого предлога относится к временному значению¹).

Такая конструкция употребляется при словах, обозначающих, во-первых, наименьшие определенные единицы времени до дня включительно, если они имеют определение (согласованное или несогласованное): *в эту минуту, в час разлуки, в день рождения, в дождливый октябрьский день*; во-вторых, не точно определяемые единицы и отрезки времени: *в это время/мгновение, в эпоху Возрождения/Просвещения/социализма, в мезозойскую эру, в период летних дождей, в разную пору года, в фазу выбрасывания метелки, в курортный сезон, в сезон охоты, в период цветения, в последний фазис болезни, в нужный момент, в свободное от службы время, в ледниковую эпоху* (определений и в этом случае являются конструктивными членами); в-третьих, связанные с временем явления, события, процессы: *в именины, в праздник Первого мая, в годовщину полтавского сражения, в жатву, в сенокос, в войну, в революцию, в первое празднование дня рождения, в демобилизацию, в бытность мою студентом, в январскую стужу, в мое отсутствие, в финскую кампанию, в хорошую погоду, в непогоду, в такую распутицу, в туман, в дождь, в холод,*

¹ В. Николаев. Некоторые данные о частности употребления падежных форм в совр. р. лит. языке. РЯНШ, 1960/4.

в бурю, в эту невыносимую жару, в обед, в один из обстрелов, в свой другой приезд, во второе свидание, подниматься по реке в малую воду, в половодье и др. — определения с этой группой слов не являются конструктивными элементами.

Трансформационные возможности имеют конструкции, образованные со словами, обозначающими явления природы. Ср., например: В тихую погоду она все же отваживалась выходить на берег («Звезда», 1960/12, стр. 76) — Школьники сегодня не учат. Зато ясли работают при любой погоде («Огонек», 1963/7, стр. 14). В тридцатиградусный мороз я видел на улице человека, на котором был серый костюм — Но, бесспорно, этот поэтический вечер был единственным в своем роде: он состоялся при сорока трех градусах ниже нуля по Цельсию (Огонек, 1963/7, 14). Конструкции с предлогом *при* имеют и оттенок условного значения.

Существительное *мороз* с предлогом *по* тоже может выразить обстоятельство времени. Например: Хорошо идти по первому морозу. А все это хождение по морозу. (Мориц, Староста Шари). Здесь уже налицо и пространственный оттенок в значении.

Некоторые слова из вышеназванных с предлогом *на* имеют значение обстоятельства места. Например: Он стоял на двенадцатиградусном морозе в намокшей одежде. («Звезда», 1960/12, 103). Поставить провизию на холод. . . он яростно сплюнул и вылез на дождь. . .» («Звезда», 1965/4, 93) — Можно и вылез под дождь. Был у меня друг верный на войне (Бабаевский, Сыновний бунт). Конструкция с предлогом *под* в следующем предложении выражает тоже пространственное значение с оттенком обстановки: «. . . мы после лекций разыскиваем под дождем остановки троллейбуса» («Неделя», 1963/45, 4). Конструкция с предлогом *в*, если существительное после него стоит в предложном падеже, тоже может выражать подобное значение. Напр.: Доклад словно бы растаял в осенних московских дождиках («Звезда», 1964/10, 66). Снег растаял в дожди. Ср. Он. . . заставлял маленьких сынков в дождь маршировать и по команде поднимать руку (Эренбург, Падение Парижа).

Предлог *в* + вин. падеж употребляется при обозначении дней недели, часа. Напр.: во вторник, в три часа ночи, в час дня. [В один час может иметь значение «в то же самое время»: Он видит, как каждый день, в один час, вечером, крадучись, возвращается в большой дом та, другая девушка. . . (Федин, Братья)], в предраусветный час. В тех случаях, когда в конструкциях нет слова *час*, обозначение времени на вопрос *когда?* и *сколько времени?* выражается одним и тем же способом, без предлога *в*. Ср. Теперь четверть двенадцатого — Четверть двенадцатого я уже выхожу со стадиона и без десяти двенадцать бываю дома².

Названия частей суток и времен года с конструкцией *в* + вин. пад. обоз-

² М. Всеволодова — Л. П. Юдина. Учебник русского языка для поляков. МГУ, 1963, стр. 161. — В литературном языке со словом *четверть* встречается и предлог *в*. Напр.: В четверть восьмого Унус уже мчался за врагом (Ленов, Половчанские сады, 361). В конструкции типа «вылетаешь в 9,35 по местному времени» всегда употребляется предлог *в*.

начают время, если они имеют определение. Такие конструкции можно трансформировать беспредложным творительным падежом. Ср.: *В лунные морозные ночи/лунными морозными ночами снег особенно сверкает. В холодную дождливую осень/холодной дождливой осенью в деревне скучно.* Исследователи отмечают, что в этой группе существительных только *полдень, полночь* и *сумерки* могут быть употреблены с предложом в и без определения: *вернуться в полдень/в полночь/в сумерки*³. Иногда встречаются и другие слова этой группы с предложом в без определения. Например: *Вечером вернулся в поселок, посмотрел на яму и в ночь опять ушел в город (Шолохов, Судьба человека.) Вот этот плач не могла выносить Травка, и слышав его, вылезала из ямы в ночь и в полночь (Пришвин, Кладовая солнца.) Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето (Гоголь. Мертвые души).* — *Ни в зиму ни в лето* — фразеологизм. Конструкции типа *в осень 1930 года, в лето перед смертью* имеют несогласованные определения и их можно трансформировать: *осенью 1930 года, летом перед смертью.*

Следующее высказывание А. С. Малаховской является не совсем точным: «В русском языке не наблюдается параллельного употребления творительного с другими конструкциями. Употребление творительного и предложных конструкций определено разграничено: творительный употребляется для обозначения времени года и частей суток, предложные конструкции — для обозначения дней недели, месяцев.»⁴ Если даже не принять во внимание, что беспредложный творительный и предложный винительный падежи параллельно с определениями могут обозначать время с названиями времен года и частей суток, все-таки мы должны иметь в виду, что родительный падеж с предложом с тоже может выражать с этими словами определенный момент времени на вопрос *когда?* По мнению А. А. Кока в таких конструкциях можно употреблять только глаголы совершенного вида. Если в таких конструкциях употребляем глаголы несов. вида, то данная конструкция выражает начало действия с оттенком его продолжения⁵. Это тоже не совсем точно. Среди примеров А. А. Кока тоже имеется один, в котором стоит глагол несов. вида. В таких конструкциях иногда употребляется и глагол несов. вида, если речь идет об узуальном, часто результативном действии. Ср., напр.: *Торгует цветами выходящая опражная старушка: с утра она выписывает на двери, чьи сегодня именины (Эренбург, Падение Парижа). Мыльников заказывал с вечера своим компаньонам выходить утром на работу (Мамин-Сибиряк)* — этот пример взят у Кока. — *С раннего утра пришли бабы, поставили чугуны воды и принялись за работу (Л. Толстой, Дьявол).* — «...забыла завести будильник с вечера» (Леонов, Русский лес, 3). *Бабушка Ульяна с весны померла (Павел Бажов).* — этот пример тоже взят у Кока.

³ Там же.

⁴ А. С. Малаховская. Творительный времени. Сб. «Творительный падеж в славянских языках», М., 1958, стр. 24.

⁵ А. А. Кока. Конструкции с временным значением в современном русском языке. Сб. «Вопросы изучения русского языка», Алма-Ата, 1955, стр. 71.

Следующие типы обозначения времени являются архаичными: *в весне, о весне, по весне. Мы с тобою не дружили, не встречались по весне* (Исаковский). *Я в ночи сюда прокралась осторожно* (Пушкин, Полтава). Следовательно они не являются трансформатами предыдущих конструкций.

Конструкции с пояснительными членами по тем временам — *в те времена* — *в то время* не имеют тождественного значения. Ср., напр.: *У нее [России] появились по тем временам хорошие армия и флот* (История СССР для 7 класса). — *В те времена у России не было выхода к морю.* — *В то время, когда мы ходили в университет, была война.*

По В. М. Филипповой в таких конструкциях «собственно отглагольные существительные не встречаются»⁶. Это утверждение немножко является категоричным. См., напр.: *В один из обстрелов погибает чемпионка мира по шахматам...* («Неделя», 1962/37, 2). В мое отсутствие *матушка получила от новой своей соседки письмо на серой бумаге* (Тургенев, Первая любовь). «...в демобилизацию уволен инвалидом на сорок процентов» (Федин, Братья).

В + вин. падеж можно употреблять и при обозначении возраста. Напр.: *В пятьдесят четыре года доктор Карев устал* (Федин, Братья). Трансформационные возможности этой конструкции следующие:

Он в двадцать лет поступил в университет.

Он двадцати лет поступил в университет.

Он поступил в университет, когда ему было 20 лет.

Он поступил в университет в двадцатилетнем возрасте.

Он поступил в университет в возрасте двадцати лет.

На двадцатом году он поступил в университет.

Он поступил в университет, когда ему шел 20-й год.

В + вин. падеж употребляется при обозначении систематически повторяющихся отрезков времени, если они выражаются единицами времени. При обозначении неповторяющихся единичных отрезков времени употребляется конструкция с предлогом *за + вин. пад.* Ср., напр.: *Я хожу в кино два раза в неделю* — *За неделю я был в кино два раза/На этой неделе я был в кино два раза.*

Конструкция *в + вин. пад.* употребляется и со словами *неделя, месяц, год, век, столетие*, если они обозначают не порядковый номер единицы времени по летоисчислению, или выражают время не по отношению к моменту речи. Во множественном числе и с несогласованным определением эти слова, за исключением слова *год*, также обозначают время конструкцией *в + вин. падеж*. Напр.: *В ядерный век даже малые войны опасны* (За рубежом, 28 сент. 1963, стр. 5). *Однако в век машин всякое бывает* (Неделя, 1962/37, 8). *В тот год осенняя погода стояла долго на дворе* (Пушкин, Евг. О.). *В год испанской революции прибыло к нам множество сирот...* (Пришвин, Заполярный мед.) *В первую неделю великого поста* («Неделя», 1964/29, 10) *В неделю озеленения улиц/детской книги. Чем ты за-*

⁶ В. М. Филиппова. Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке. Сб. «Исследования по грамматике русского лит. языка». М., 1955, стр. 182.

нимался в эти недели/в эти месяцы/в эти годы? «... она, бедная, забеременела в первый же месяц» (Л. Толстой, Крейцеров соната, 33). *Пили водку, гуляли в зимние месяцы, справляли свадьбы, крестины* (Бабаевский, Сыновний бунт). В средние века. Они в один и тот же год вышли замуж.

2) Конструкция *В + предложный падеж* употребляется значительно реже для обозначения времени. (По В. Николаеву 11,50% употребления этой конструкции относится к временному значению. По А. А. Кока «примерно 75% всех конструкций с предлогом «в», выражающих временные отношения, падают на винительный падеж, остальные 25% — на предложный⁷). По Л. С. Малаховской «в современном русском языке конструкция *в + местный* употребляется только при обозначении месяцев, лет: *в мае, в ноябре, в прошлом году* и. т. п.»⁸ Это указание является немножко схематичным. *В + предложный падеж* употребляется для обозначения времени в следующих случаях:

а) Со словами *месяц, год, век, столетие*, если они обозначают порядковый номер по летоисчислению или время по отношению к моменту речи, далее с названиями месяцев. Нпр.: *В этом месяце/году мне нужно закончить статью. В прошлом веке была построена в России первая железная дорога. Бронзовая культура достигла пышного расцвета во втором тысячелетии и в начале первого тысячелетия до н. э.*

Между конструкциями «*в этом году*» и «*в этот год*» имеется различие в употреблении. «*В этом году*» обозначает время по отношению к моменту речи, а «*в этот год*» имеет относительное употребление. Ср. напр.: *Наступает новый год. В этом году в нашем городе завершается строительство новой школы. — Это было в 1951 году. В этот год зима была особенно холодной⁹. В первый раз увидал Нехлюдов Катюшу тогда, когда он на третьем курсе университета, готовя свое сочинение о земельной собственности, прожил лето у своих тетушек. Но в этот год сестра его вышла замуж, а мать уехала на воды за границу... В этот год еще в университете он прочел «Социальную статику» Спенсера... (Л. Толстой, Воскресение, ч. I, XII).*

Между «*в том году*» и «*в тот год*» тоже наблюдается аналогичное соотношение, хотя их разграничение не такое резкое. Ср.: *В том году (=в прошлом году) мне не удалось поступить в консерваторию. Я хочу еще раз попробовать в этом году. — В том году (можно и в тот год) мне отчаянно не везло с рыбалкой... (Е. Герасимов, Куда речка течет. («Новый мир», 1964/6, 131). В тот год, когда организовался у нас в деревне колхоз, вернулся домой из армии старший брат. Он решил развеять предубеждение, что брак, заключенный в високосный год, — плохая примета. В тот год он женился дважды («Нева», 1964/6, 211).*

Слова *год* и *век*, если речь идет о хронологическом порядке годов или веков

⁷ А. А. Кока. Упомянутая работа, стр. 83.

⁸ Л. С. Малаховская. Упомянутая работа, стр. 240.

⁹ См. Л. И. Венгеренко. Обозначение времени в русском языке при помощи наиболее употребительных предлогов. Сб. «Вопросы методики преподавания русского языка нерусским», М., 1955, стр. 93.

обозначают время во множественном числе, в форме предложного падежа, (год реке и в форме вин. пад.). Напр.: «...железо вошло в обиход наших далеких предков еще в XIII—XII веках до нашей эры» («Неделя», 1964/6, 20). В 20-х годах в Берлинском университете читал свои лекции философ Гегель (П. Д. Краевский и др., Русская литература, 1950, стр. 7). В 50-е годы И. С. Тургенев — деятельный сотрудник журнала «Современник» (Там же, стр. 303).

б) Субстантивированные прилагательные прошлое, настоящее и будущее выражают время тоже в конструкции в + предложный падеж. Напр.: В недавнем прошлом он вернулся домой. Переходим к третьей части: картина уезда в настоящем (Чехов, Дядя Ваня).

в) При обозначении разных периодов человеческого возраста следует употребить также конструкцию в + предложный падеж: в школьном возрасте, в дошкольном возрасте, в ребячестве (уст.), в детстве, в младенчестве, в отрочестве, в девичестве, в переходном возрасте, в старчестве (уст.), в юности/в молодости/во младости/в молодых годах, в старости/в старческом возрасте/в годах, в зените жизни, во цвете лет/в цветущей поре, в расцвете сил/таланта и др. Исключения: на склоне лет/дней/жизни, на закате дней, на старости лет.

Типы в невестах, в девушках, в девках в современном языке не употребляются. Напр.: Знаешь, как я жила в девушках? (Островский, Гроза). Что, Ксения? Что, милая моя! В невестах уж печальная вдовица! (Пушкин). В современном русском языке вместо них употребляются другие конструкции. Ср.: Я еще девушкой зачитывалась Тургеневым. В детстве/в детские годы/ребенком/будучи ребенком/когда он был ребенком, он любил шумные игры.

При обозначении разных периодов истории земли и человечества, вообще также употребляем конструкцию в + предложный падеж. Напр.: в бронзовом веке, в каменном веке, в медном веке, в железном веке, в верхнем палеолите, в позднем мезолите, в раннем неолите; в древности, в раннем средневековье, но: в старину/в давние времена/в древние времена, в средние века, в новое время. Временные конструкции, если в них имеются слова типа неолит, можно дополнить словом эпоха, если же в них имеется сочетание типа железный век — словом период. Ср.: В эпоху неолита начинают возделываться растения и возникает скотоводство (БСЭ, т. 19, 513). — В неолите появляется глиняная посуда. Железный меч, боевой топор... получил в железном веке всеобщее распространение (БСЭ, т. 15, 647). — Другим источником накопления ценностей и имущественного неравенства в период железного века была растущая торговля... (Там же, 647).

В следующем предложении железный век употребляется в переносном значении и этим можно объяснить форму вин. падежа: Наш век торлаш; в сей век железной Без денег и свободы нет (Пушкин, ССРЛЯ, т. 4, стр. 59). В употреблении падежей со словом век иногда может быть и колебание: Мы живем в чудесный век/в чудесном веке — В последнем случае подразумевается конкретное столетие. «В веках» имеет значение «вечно», «на своем веку» — «в жизни».

г) При обозначении раздробленных единиц какой-то временной линии также употребляем, как правило, конструкцию в + предложный падеж: в начале августа, в конце/в середине месяца, во второй половине дня, во втором квартале

года, в третьей декаде месяца, в десятых числах мая, в первой четверти прошлого века, в первой пятидневке, в промежутке между обедом и ужином, в позиции пятого, в первом семестре учебного года, в первом полугодии. В прошлом столетии с некоторыми из этих слов употреблялся и вин. падеж. Напр.: Третьего дня я прочитала последнюю лекцию в нынешнее полугодие (Ковалевская, Письмо А. О. Ковалевскому, Начало мая 1884) — в современном языке: в этом полугодии.

Иногда и в современном языке встречаются колебания. Напр.: В первую декаду каждого месяца он [директор совхоза] обходил все участки первой фермы; во второй декаде обследовал вторую ферму; в третьей декаде выезжал в третью (Панова, Ясный берег). Мы все ужасно страдали от мошки, ее особенно много появлялось во вторую половину дня (Арсеньев, Сквозь тайгу, 63). В конце года оба солдата поссорились из-за денег (Там же, 111). «... в промежутку между боями читал офицерам дивизии лекции о марксизме-ленинизме (Б. Полевой, Земляк). Книги, изданные в последнее десятилетие/в последнем десятилетии.

Употребление предлога при со словами *конец* и *начало* является совсем архаичным. Напр.: «... при конце последней части. Всегда наказан был порок. Добру достойный был венок (Пушкин, Евгений Онегин. III).

Мы говорим: в антракте, в перерыве/реже в перерыв, но в обеденный перерыв, на перемене/в перемену, но на большой перемене/во время большой перемены, в летние каникулы/во время летних каникул, на каникулах, на первой персоне. Как видно, определения устраняют возможности колебаний.

д) Конструкция *в + предложный падеж* с некоторыми отглагольными существительными тоже может иметь временное значение. Эта конструкция возможна только с такими отглагольными существительными, которые вместе с действием обозначают и особое состояние или положение самого действующего лица. Поэтому можно сказать «познакомиться в плавании», но возможна только конструкция «задуматься во время шитья»¹⁰. См.: В игре он молчалив. В своих путешествиях продолжал обследование Африки. Есть войны закон не новый: В отступление — ешь ты вдоволь, В обороне — так и сяк. В наступление — натошак (Твардовский, Вас. Теркин). Говорить в присутствии отца/при отце, но в отсутствии отца. В ходе чего-н. и в процессе чего-н. уже являются отыменными предлогами: в ходе поисков, в процессе исторического развития.

Существительные *путь* и *дорога* вследствие метонимии тоже могут быть употреблены в таких конструкциях. Напр.: Простудится в дороге. «... в пути от голода ни один человек не умер». (Каверин, Два капитана). Трансформационные возможности: Дорогой нельзя было курить... (Л. Толстой, Воскресение, 11) Снова беседовали по дороге обо всех заводских и мировых событиях (Кочетов, Журбины.) Майор ушел, бормоча по пути... (Звезда, 1964/10, 54). По дороге он переложил версию насчет того, что «оппель» просто-напросто «занесло» («Звезда», 1964/10, 59). — Майор во весь остальной путь

¹⁰ На невозможность конструкции «задуматься в шитье» указывает В. М. Филиппова, но она не объясняет причину этой невозможности. Упомянутая работа, стр. 193.

не произнес ни слова (Фадеев). Твор. пад. редко употребляется, звучит немножко архаично, конструкция в + вин. пад. в первую очередь выражает продолжительность времени).

е) Конструкция в + предложный падеж употребляется еще в вопросе в каком часу? Ответ: в четыре часа или в четвертом часу «между тремя и четырьмя», в половине четвертого, в четыре часа двадцать минут или двадцать минут пятого (без в!!). Слово время с прилагательными скорое и непродолжительное обозначает время также этой конструкцией: В скором времени/в самом времени выходит его книга из печати. «...любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени» (Пушкин, Станц. смот.). Но в ближайшее время этот вопрос будет решен.

3) Конструкция на + предложный падеж употребляется со словом неделя в ед. числе, если оно имеет только согласованное определение. При наличии несогласованного определения уже встречается в + вин. падеж. Ср.: На предпраздничной (прошлой) позапрошлой неделе у нас была большая уборка. — В первую же неделю своей деятельности в Унчанске Штуб выступил на волю шестнадцать человек (Звезда, 1964/10, стр. 65).

Эта же конструкция употребляется со словами, обозначающими время по солнцу: Охотники вышли из дому на восходе солнца/на заре/на утренней заре/на рассвете/на брезгу — уст., вернулись домой на заходе солнца/на закате/на свету: но в сумерки/в сумерках. Трансформационные возможности: Охотники вышли из лесу на восходе солнца/с восходом солнца/при восходе солнца. Конструкция с предлогом с выражает одновременность. Конструкция же с предлогом при имеет более узкую сферу употребления. Л. И. Венгерко указывает, например, на невозможность конструкции «Он поднялся при заре»¹¹.

Существительные СЕКУНДА, МИНУТА, МЕСЯЦ, ГОД в сочетании с порядковыми числительными обозначают время также этой конструкцией. Напр.: Он кнокаутировал его на 53-й секунде («Неделя», 1963/45, 19). На пятой минуте игры в ворота противника был забит первый мяч. Лиза была на пятом месяце [— здесь выражается и состояние] — и, хотя и береглась, была весела и подвижна (Л. Толстой, Дьявол, IX). Ему показалось смешным это предложение, что на пятнадцатом месяце войны, ... он вдруг простудится и заболеет гриппом (Симонов, Дни и ночи, III). Со словом год следующие разные конструкции имеют неодинаковую сферу употребления: На девятом году/в девять лет она лишилась матери — На девятый год замужества она лишилась мужа.

Следующие устойчивые сочетания наречного значения тоже могут иметь временное значение, если действия, обозначенные отглагольным существительным и глаголом, выполняются одним и тем же лицом. Ср.: Воробьи мерзли на лету. — Я поймал ее [гранату] на лету и бросил обратно (Правда, 17 марта 1965) — в последнем предложении выражается образ действия. Сюда принадлежат: на ходу, на бегу, на скаку, на каждом шагу, на марше. Евгений

¹¹ Л. И. Венгерко. Упомянутая статья, стр. 97.

на марше перестроил свою армию в двенадцать колонн. (Е. Пристер, Краткая история Австрии.)

На + предложный падеж употребляется еще для обозначения времени в следующих случаях: на рубеже нашей эры, на пороге XI столетия, на перевале/рубеже двух столетий, на исходе апреля/дня, на ранних ступенях развития, на поворотном этапе истории России, на всех этапах развития, на одном историческом отрезке, на втором этапе формирования и роста: потолкаем на досуге/на свободе/в свободное время, заснуть на получасовом привале, на масленице, везло на первых порах. На днях/на этих днях был у нас отец. Конструкция «в эти дни» употребляется тогда, если точно указывается о каких днях именно идет речь. Напр.: В прошлом году у нас гостила бабушка, в эти дни домой приехал и брат.

Л. А. Булаховский отмечает, что «сильно сократилось употребление в и на во временном значении с предложным падежом»¹². Так, например, случаи типа на пасхе, на рождестве, в прошлом лете и др. в какой-то мере являются архаичными. (В просторечии и ныне употребляется на пасхе, на рождестве).

4) При конструкции на + винительный падеж встречается два основных случая употребления во временном значении.

а) Эта конструкция употребляется со словами ДЕНЬ, УТРО, НОЧЬ, СУТКИ, МЕСЯЦ, ГОД, если с ними стоят порядковые числительные (за исключением первый) или прилагательные другой, следующий. Напр.: В первую ночь пошел в сад старший сын — Дмитрий-царевич. На другую ночь пошел в сад средний сын — Василий-царевич. На третью ночь пошел в сад младший сын — Иван-царевич (Сказка об Иване-царевиче и сером волке, Русская народная сказка). На шестой день бог сотворил человека (Нева, 1964/6, 209). И в первый день сотворения он создал свет (Е. Ярославский, Библия для верующих и неверующих, 1959, 33). Праздник троицы верующие отмечают на пятидесятый день после пасхи (Спутник атеиста, 1959, 270). На четвертые сутки мы дошли до топкого болота... (Арсеньев, Сквозь тайгу). На следующий день, 9-го мая, были Колины именины (Тургенев, Новь). На следующее утро приключилась неприятность (Эренбург, Падение Парижа). На другое утро он поехал в город (Л. Толстой, Дьявол). На третий год замужества Матрена родила (Огонек, 1964/8, 15).

Прилагательное будущий со словом год в этой конструкции редко обозначает время. Напр.: На будущий год их места в первой дюжине займут победители соревнований второй группы класса «А» (Правда, 15 марта 1965, 4).

Сочетание на утро без прилагательного уже является наречием: На утро болела голова, мучила изжога... (Горький, Мать, III:13)

Иногда беспредложный вин. падеж также может иметь подобное значение. Ср.: Четвертый день Егор оставался без жены. А на пятый день после ухода жены Егор уселся на прежнем месте так же, как и вчера... (Огонек, 1964/8, 15).

¹² Л. А. Булаховский. Курс русского лит. языка, т. II, «Радянська школа», 1953, стр. 281.

¹³ В. М. Филиппова. Упомянутая работа, стр. 193.

На следующее утро имеет трансформационные возможности: *следующим утром/утром следующего дня*. *На следующий год* имеет относительное значение. Ср.: *На следующий год после выхода в свет его книги — Уже в следующем году он покинул свою типографию и переселился в Вильну...* (Неделя, 1964/9, 4).

Вместо *на следующую весну* в современном языке употребляем *следующей весной*. Напр.: *На следующую весну оба преступника под конвоем были доставлены в город (Арсеньев, Сквозь тайгу, 111). — Встретимся мы в нашем доме... следующей весной на последней экзаменационной сессии (Юность, 1964/6, 72).*

Интересным является сравнение следующих конструкций: *Похороны совершились на третий день* (Пушкин, Дубровский) — *Похороны совершились третьего дня* (т. е. «три дня назад») — *Уже третий день работаю тут (сколько времени?) — По библии солнце, луна и звезды созданы в четвертый день творения* (Е. Ярославский, Библия для верующих и неверующих, 19). — Здесь выражается продолжительность времени.

Сюда же можно отнести конструкции: *в ночь на 10 января/с 9 на 10 января, состояние кассы на 1 июля/к 1-му июля. Таблица розыгрыша. Положение на 29 марта* (Правда, 29 марта 1965, 6.)

б) Большинство религиозных праздников тоже употребляется с конструкцией *на + вин. пад.* Напр.: *Только на рождество да на пасху давали нам на неделю выход* (К. Паустовский, Судьба Шарля Лонсевиля). *На Петров день повенчались...* (А. Солженицын, Матренин двор). «...на Ивана Постного в город зайти нельзя — на будущий год урожай не будет (Там же). На Крещение, на Предтечу, на Вознесенье, на Покрова, на Воздвижение, на успение, на Лавра, на Введение, на Благовещенье, на Спас, на святки и др. Возможны и колебания: *Мы присхали из города 9 мая, в самый Николай день* (Тургенев, Первая любовь). *Право крестьянского перехода в Юрьев день* (История СССР для 7 класса, 80). — Религиозный характер праздников при этом не учитывается.

Исключения: *в троицын день/возможно и на троицу, в сретение* (2 февраля). *страстную пятницу, в родительский день/в день усопших/в родительску, в день именин Анны*. (Аналогичное влияние конструкции обстоятельства времени со словом *день*).

в) Сочетания *на этот раз/на сей раз/ в этот раз/этот раз/в этом разе* являются синонимичными. Последнее из них является архаичным.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ С ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

(Критические замечания)

Ш. КОНИ

Одни специалисты по машинному переводу руководствуются высказыванием Шлегеля «Lisez, lisez; jetez vos grammaires au feu»¹ и отодвигают грамматический анализ текста на второй план, значит используют грамматический разбор для улучшения, а не для обоснования перевода², другим, особенно советским исследователям представляется чрезвычайно важным сформулировать правила грамматического разбора, так как метод пословного перевода может быть применен только к языкам, структура которых имеет большое сходство³.

Р. Х. Риченс и А. Д. Будс, которые первыми дали пример автоматического анализа венгерского текста, привели такое предложение: Az apró* bogyó*jú fajták, úgy termés*mennyiség*ben, mint száraz* anyaghozam*ban, felülmúl*ják a nagy*bogyó*jú fajták*at⁴. Звездочки отделяют первую основу от второй (в сложных словах) или основу от окончания. (На границе существительных *anyag* и *hozam* не поставлена звездочка, но это, по-видимому, опечатка, судя по их английским эквивалентам *matter* и *yield*. Звездочка эта явно ошибочно переместилась в абсолютный конец слова *száraz*).

Здесь интересно наблюдать, что по этому разбору существительное *fajták* не распадается на основу *fajta* (или *fajtá-*) и на показатель множественного числа *-k*, а после переводящего слова *variety* поставлена помета *m* (множественное число). А дальше слово *fajtákat* переводится следующим образом: *variety m a* (винительный падеж множественного числа). Мы можем констатировать, что составителям анализирующих правил такого рода хорошо известны были сложные слова, но с такими простыми существительными, в которых после основы стоят морфемы (больше одной), они ничего не могли делать.

¹ Цит. по сборнику статей *Machine Translation of Languages. Fourteen essays*, New York — London, 1957, стр. 24.

² Ср. *Linguistic and Engineering Studies in the Automatic Translation of Scientific Russian into English; Technical Report Phase II*. Seattle, 1960.

³ Ср., например: Д. Ю. Панов. Автоматический перевод, М., 1956. — О. С. Кулагина и И. А. Мельчук. Машинный перевод с французского языка на русский. — ВЯ, 1956, № 5, стр. 111—121.

⁴ R. H. Richens — A. D. Booth. Some methods of mechanized translation; *Machine Translation of Languages. 14 essays*. 1955, стр. 37.

Несравнимо подробнее разработал правила машинного анализа венгерских слов И. А. Мельчук.⁵ Его работе мы дали оценку в двух статьях, стараясь дополнить и исправить полученные И. А. Мельчуком результаты.⁶ В третьей статье мы занимаемся анализом венгерских существительных⁷.

В последнее время, как нам кажется, в связи с готовящимся обратным словарем венгерского языка была выдвинута мысль начинать морфологический анализ с последней буквы слова⁸. Такой подход нам представляется неприменимым для целей машинного перевода. Чтобы определить один только падеж венгерского *существительного*, мы должны были бы сперва выбрать из текста «традиционным способом» все существительные, а после этого передать их для обработки машине.

Так как предложенный метод не включает в себя пользования словарем основ, только таблицей падежных окончаний, для него «найти падежное окончание» значит найти максимальное по числу букв окончание в таблице. Целью упрощающегося в слове (поиск начинается в обратном порядке, с последней буквы.) Чтобы машина не ошиблась в определении падежа, для нее нужно составить специальный список венгерских существительных, концы которых в начальной форме совпадают с каким-либо падежным окончанием (прилепом). Список должен содержать такие слова, как *isten*, *Balaton*, *akarat*, *kanál*, *szoba* и т. п. и за неимением особых правил и такие существительные, как *asztal*, чтобы машина не проанализировала в перечисленных словах прилепы *-en*, *-on*, *-at*, *-nál*, *-ba*, *-tal*. (В связи с последним окончанием имеется в виду вариант прилепа *-val*.) Кроме «общезвестных» вариантов этого прилепа, по орфографическим соображениям нужно было бы ввести и варианты *-al*, *-el*, чтобы машина могла определить падеж (социатив), например, существительных *takka*, *modell*. Мы не говорим теперь о том, что такого рода омонимы, как *falat* «кусок» и «стену» (не считая третье значение в глаголах: «заставить жрать») окажутся по предложенному анализу всегда существительными в винительном падеже (если этого слова нет в особом списке) или же наоборот, существительными в именительном падеже (если упомянутый список содержит

⁵ И. А. Мельчук. О машинном переводе с венгерского языка на русский. Проблемы кибернетики, вып. I, М., 1958, стр. 222—264. В венгерском переводе: I. A. Melcsuk, A magyarról oroszra történő gépi fordítás szabályainak ismertetése: Matematikai nyelvészet és gépi fordítás a Szovjet-unióban, Budapest, 1964. Időszerű Műszaki Dokumentációs Kérdések, №6, стр. 147—214.

⁶ Kónyi Sándor. A magyar—orosz gépi fordítás néhány problémája; Általános nyelvészeti tanulmányok II. Budapest, 1964, стр. 197—204. — III. Кони. Рецензия на статью И. А. Мельчука «О машинном переводе с венгерского языка на русский». Computational Linguistics III. Budapest, 1964, стр. 226—243.

⁷ Kónyi Sándor. A magyar főnevek elemzése: Általános nyelvészeti tanulmányok III. Budapest. Сборник сдан в печать.

⁸ Ср. Magyar Nyelvőr, 1965. №1. стр. 143.

в себе данное слово.) Так как для такого анализа интересен только падеж, все равно, возьмем ли слово *áramot* «ток» или *áramat* «мое шило и т. п.», результат будет одинаковым: винительный падеж, и мы можем только жалеть, что о слове *áramat* машина больше информации не дала.

Однако нам представляется, что составить вышеупомянутый особый список невозможно, просто из-за большого количества отглагольных существительных, оканчивающихся на *-at*, *-et* (*nézet*, *váгат*, *váгат*, *furat*, *vállalat*, *képviselet*, *folýamat*). Далее нам совсем неясно, как проанализировать такие слова, как *eben*, *kata* или *kára* (сравни со словоформами *éven* и *fára*, где анализ по предложенному методу возможен.) Или же нужно применить другой специальный список?

А если взять не одни существительные, но все части речи, или же попробовать разобрать по этому методу все «подходящие» слова (значит существительные) целых предложений «без посторонней помощи», то мы увидим, что такой анализ столкнется с непреодолимыми трудностями. Станут проблематичными не только существительные *ének*, *asztal*, но и глаголы *ötenek*, *vígasztal* и т. д.

В ходе морфологического анализа венгерских текстов нужно определить не только падеж существительных (или вообще имен), значит нужно рассматривать не только последнюю морфему имени, но все морфемы всех изменяемых частей речи, ведь в венгерском языке иногда даже наречия могут принимать падежные окончания: *alul*, *alulra*, *alulról*⁹. Мы видели, что, по мнению Риченса и Будса, после основы венгерского слова может стоять только одна морфема, но И. А. Мельчук уже правильно подчеркивал, что в силу агглютинативного строя венгерского языка «окончание» (то, что остается после отделения основы или двух основ сложного слова) в венгерском языке не едино (как в английском, французском или русском); оно может состоять из нескольких суффиксов, каждый из которых имеет одно значение»¹⁰. И. А. Мельчук не определяет число морфем, которые могут стоять с «машинной» точки зрения после основы, однако судя по его таблицам и примерам *módosulásaival*, *nehézségeire*, можно полагать, что, по его мнению, таких морфем три. По нашим представлениям позади основы может стоять шесть морфем, например, *legfelhasználhatóbbakéiban* «в принадлежащих наиболее используемым», «в принадлежащих тем, кого можно лучше всего использовать», не считая префикса превосходной степени *leg-* и отделяемой приставки *fel-*, существующих основе. Осложненный притяжательный признак обладателя *-éi* не разбит на элементы *-é* и *-i*; таким образом получилось шесть морфем, а не семь. (Думается, что И. А. Мельчук неправоммерно разбивает осложненные личностно-притяжательные окончания *-ai*, *-ei* и т. п. на две морфемы.)

Ознакомившись с трудностями автоматического анализа венгерских слов, читатель легко может себе представить, что полный морфологический разбор

⁹ См. *Telegdi Zsigmond. Elméletek a szófajok természetéről* (Kritikai megjegyzések): Nyelvtani tanulmányok. Szerk. Sulán Béla. Budapest, 1961, стр. 45.

¹⁰ Проблемы кибернетики, вып. I., М., 1958, стр. 230.

не удастся, если анализ начнется с конца слова. Мы думаем не только о таких длинных словах, как *legfelhasználhatóbbakéiban*, но и о таких, как *hajójárat* «пароходная линия», *gyermekkoromban* «(я) в детстве», *mibennünk* «в нас». Если взять, например, последнее слово, то по таблице глагольных суффиксов найдем информацию к *-nünk*: неопределенная форма, 1 лицо множественного числа; *-ben* — (по другой таблице) окончание инессива и т. д.; сложное слово *gyermekkoromban* может быть ошибочно переведено на русский язык так: «в детской саже» и т. д.

Эти примеры подчеркивают еще раз, что анализ должен начинаться с первой буквы слова, ведь (первая) основа более или менее определяет дальнейший ход анализа, в то время как последний остаток «не в силах» этого сделать.

Возьмем к примеру словоформу *szótára* «его словарь». Если нет словаря основ, машина может ошибочно найти, например окончание сублатива *-ra*, (остается бессмысленное *szótá-*), или может разбить словоформу на компоненты *szót* «слово (вин. п.)» и *ára* «его цена и т. п.». (В современном венгерском языке не имеется таких сложных слов, состоящих из двух существительных, где первый компонент принимал бы прилп винительного падежа *-t*.)

Мы видим, что единственным правильным подходом при анализе может быть следующий подход: Сначала искать слово в словаре основ, а только потом «остаток». Таким образом машина найдет в словаре сложные существительные *szótár* или *gyermekkor* (ср. с нашим предыдущим примером *gyermekkoromban*), которых нет необходимости больше разбирать, имея в виду цели непосредственного перевода с венгерского языка на русский, так как русские эквиваленты упомянутых слов — простые существительные «словарь» и «детство». «Остатки» *-a* и *-omban* уже легко можно найти в таблице окончаний, если — как это вообще бывает — при основах есть помета, что они являются основами существительных.

В связи с задачами непосредственного перевода с венгерского языка на русский возникает вопрос, стоит ли разбирать сложные венгерские слова, или же воспринимать их как одно целое. Мы думаем не только о том, что в русском языке сложных существительных гораздо меньше, чем в венгерском, но и о том, что на основании «составных частей» венгерских существительных не всегда удастся «построить» их русские эквиваленты.

Мы постарались дать ответ на возникший вопрос на основе рассмотрения венгерских сложных слов и их русских соответствий. Мы собрали слова разных семантических значений. (Слова эти взяты из двухтомного словаря Л. Хадровича и Л. Гальди¹¹.)

¹¹ Magyar—orosz szótár. (Szerk: Hadrovics L., Gáldi L.) Budapest, 1964.

Венг. сложные слова		Русские эквиваленты		%
1-й комп.	2-й комп.	1-й компонент	2-й компонент	
vese	любой	почеч(ный)	переводящее слово 2-го компонента	27,2
		переводящее слово 2-го компонента	почек	36,3
		переводящее слово 2-го компонента	почками	4,5
		Простое слово		27,2
		почев(ой)	переводящее слово 2-го компонента	9,0
		переводящее слово 2-го компонента	в почки	4,5
újság	любой	газетн(ый)	переводящее слово 2-го компонента	38,2
		переводящее слово 2-го компонента	газет	44,1
		Производное слово		5,8
		Простое слово		14,7
		переводящее слово 2-го компонента	в газетах	5,8
		газето-	переводящее слово 2-го компонента	2,9

Венг. сложные слова		Русские эквиваленты		%
1-ый комп.	2-й комп.	1-й компонент	2-й компонент	
vas	любой	железн(ый)	переводящее слово 2-го компонента	57,0
		стальн(ой)	переводящее слово 2-го компонента	3,0
		железо-	переводящее слово 2-го компонента	4,4
		переводящее слово 2-го компонента	железа	6,6
		Простое слово		21,4
		переводящее слово 2-го компонента	чугуна	0,7
		переводящее слово 2-го компонента	по железу	0,7
		переводящее слово 2-го компонента	железняка	0,7
		металлургическ(ий)	переводящее слово 2-го компонента	5,9
		железист(ый)	переводящее слово 2-го компонента	0,7
		графитов(ый)	переводящее слово 2-го компонента	0,7
		предельн(ый)	переводящее слово 2-го компонента	0,7
		железно-	переводящее слово 2-го компонента	0,7
		неприкосновенн(ый)	переводящее слово 2-го компонента	0,7
		искусственн(ый)	переводящее слово 2-го компонента	0,7

(Примечание к таблице. Проценты оказываются всегда выше ста, потому что венгерские сложные слова имеют в русском языке иногда больше соответствий.)

Следовательно, на вопрос «стоит ли разбирать венгерские сложные слова», мы даем положительный ответ, так как в большинстве случаев существуют простые способы передачи первой основы сложных слов. Важнейшие из этих способов: образование прилагательного с помощью суффиксов и постановка переводящего слова в родительном падеже. (Притом русские эквиваленты вторых основ могут браться просто из словаря.) Какую из этих возможностей выбрать — это семантический вопрос.

ОМОГРАФЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. ДАНИ

Омографы возможны только в тех языках, в которых ударение свободное и не обозначается на письме, как, например, в русском и английском языках. В лексической системе таких языков их можно относить к явлению омонимии. При опоре на определение типов омонимии следует принять во внимание следующие признаки слов:

- 1) семантический признак (значение),
- 2) морфологический признак (морфемный состав и грамматический класс),
- 3) графический признак (написание),
- 4) фонетический признак (звуковая оболочка),
- 5) акцентологический признак (место ударения).

Самым важным признаком омонимии является признак *семантический*. Все типы омонимии должны иметь совершенно различные значения. В отношении других признаков они уже могут иметь различия между собой, и разные типы омонимии разграничиваются на основе этих отличительных признаков. При этом следует принимать во внимание, что об омонимии можно говорить только в том случае, если хотя бы один из этих отличительных признаков, при наличии семантического разграничительного признака, является общим для двух слов. Итак, фонетические, акцентологические, графические и морфологические признаки могут быть не только отличительными признаками разных типов омонимии, но и их структурными признаками. Таким образом, в лингвистической литературе различают следующие типы:¹

1) *Омонимы* — это слова, различные по значению, но одинаковые по звучанию, по написанию, которые представляют собой один грамматический класс. Они могут быть *полными* (имеется только семантический *разграничительный* признак, и морфологические, графические, фонетические и акцентологические признаки являются *общими*): *коса* «прядь волос» — *коса* «сельскохозяйственное орудие» — *коса* «полуостров в виде узкой полосы земли, отмели» — и *неполными* (совпадают лишь в ряде своих грамматических форм): *лук* «огородное растение» — не имеет множественного числа, — *лук* «старинное оружие

¹ Е. М. Галкина-Федорук. К вопросу об омонимах в современном русском языке. «Русский язык в школе», 1954/3; — А. М. Шанский. Лексикология современного русского языка, М., 1964, стр. 40–50; — Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Пирогова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Часть I. М., 1962, стр. 32–35.

для метания стрел». Большинство омонимов являются неполными. Имеются ученые, которые в связи с омонимией занимаются только этим типом.²

2) Омоформы, в отличие от омонимов, могут быть словами как одного и того же, так и разных грамматических классов и совпадают между собой в звучании и в написании лишь в отдельных формах. Напр: мой — от мыть и мой (местоимение), поЮ* — от петь и поЮ — от поить, пилА «инструмент» и пилА — от пить.

3) Омофоны также могут быть словами как одного и того же, так и разных грамматических классов, одинаковые по звучанию. В отличие от омонимов и омоформов, они изображаются на письме по-разному. В большинстве случаев они имеют омоформный характер (плот — плод, лук — луг, пруд — прут, вести — везти), но могут быть и омонимыми (компАния — кампАния, кОпчик — кобчик.)

4) Паронимы подобно омофонам пишутся по-разному, но в отличие от них имеют очень близкое, но все же не тождественное произношение (будет — будит, месяца — месится).

5) Омографы — это слова, которые пишутся одинаково, но в произношении, в звучании они уже не совпадают между собой и в зависимости от этого имеют различные значения. Омографы могут не совпадать в звучании вследствие разномерности ударения (мукА и мУка), вследствие разного типа интонации (см. сербские слова грАд «град» и гра́д «город, крепость») вследствие краткости и долготы гласных звуков (см. англ. wind [wind] «ветер» и wind [waind] «заводить часы»), краткость и долгота гласных может быть связана и с изменением фонемного состава слова (lead [li:d] «руководство» и lead [led] «свинец»), имеются и такие омографы, которые отличаются друг от друга местом ударения и долготой гласных звуков (rekord [ˈrek:d] «запись; летопись» и rekord [riˈk:d] «записывать, регистрировать»).

Об омографии, конечно, можно говорить только в том случае, если различия в произношении не обозначаются на письме. В русском языке имеются только омографы, которые произносятся с ударением на разных слогах.

Омографы также могут иметь омонимный (кИрка «лютеранская церковь» и киркА «размотка;») и омоформный (моЮ — от мыть и моЮ — местоимение) характер.

II. Характерно, что в связи с появлением омонимии, ученые вообще говорят только о способах образования омонимов, омоформ и омофонов.³ Мы интересуемся способами образования омографов.

А. Омографы омонимного характера образовались в русском языке следующим путем:

1) Омографы могли появиться в результате случайных совпадений в графическом изображении этимологически разных слов. Напр., Атлас «сборник таблиц географических карт» — от собственного имени древнегреческого мифоло-

² И. К. Созанова. Лексика и фразеология современного русского литературного языка, М., 1963, стр. 84—94.

³ См., напр., Н. М. Шанский. Упомянутая работа, стр. 43.

* Ударяемые гласные по техническим причинам печатаются версалием.

гического титана Атланта (Atlas) и атлАс «шелковая гладкая блестящая ткань» — от арабского atlas⁴, пОра, «отверстие» — от греческого poros и порА «время» — от глагола переть «давить, нажимать», киркА «размолотка» происходит, очевидно, — от османского küräk и кИрка «лютеранская церковь» (ср. немецкое Kirche).

а) Если основа непроезводная, тогда слово или оба слова заимствованные. при производной же основе и русские слова могут иметь графическое совпадение. Напр.: глагол стрОить сов. вид к глаголу троИть от числительного три и стрОить «производить постройку», наверно, от того же корня, что и прости- рать, пАрить (напр., репу) «отстаивать под паром землю» — от сущ. пар и парИть (напр., в воздухе неподвижно) — от сущ. перо.

Омографный характер часто сохраняется и в таких случаях, когда от таких корней образуем новое слово. Ср. Атласный и атлАсный, стрОйнный и стрОен- ный.

б) Производные омографы часто возникают при тождественном способе сло- вообразования от этимологически разных корней. Напр.: в ротный — от сущ. ворот (ср. др.-русс. воротъ — «шея») и ворОтный — от сущ. ворота (ср. verti — «запирать». См. еще вериги), Угольный — от сущ. уголь и угОльный — от сущ. угол, гАванский — от сущ. гавань и гавАнский от названия сто- лицы Кубы Гавана, бАгрить (напр., рыбу) действие к сущ. багор и багрИть «окрашивать в красный цвет» (ср. багръ), пАрение действие по глаголу пАрить и парЕние действие по глаголу парИть.

Среди омографов, имеющих разные основы, могут быть и такие, в которых ударение влияет и на звуковой состав слов. Напр., шАбер «инструмент» и шабёр «сосед», посАженный — от глагола посадить и посажённый — от сущ. сАжень.

2) Большинство омографов омонимного типа имеют этимологически тот же самый корень. Такие омографы могут возникать путем распада полисеман- тичности.

а) Такие слова могут иметь иноязычное происхождение. Напр.: Орган «часть организма; учреждение» и оргАн «музыкальный инструмент — от греческого organon, Ирис «растение; радужная оболочка глаза» и ирИс «сорт твердых кон- фет в виде кубиков шоколадного цвета» — от греч. iris, хАос «стихия» и хаОс «беспорядок» — от греч. chaos, рОндо «род музыкального произведения» — от итал. rondo и рондО «стихотворная форма; шрифт; перо» от — франц. ron- deau, прОлог «древнерусский сборник житий, поучений» — от греч. prologos и пролОг «вступление, начало чего-л.» — от итал. prologo, тАмбур «часть по- мещения между наружными дверьми и внутренними» и тамбУр «музыкальный инструмент» — от франц. tambour.

⁴ Объяснение слов по словарям под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. Русское литературное произношение и ударение, М., 1959; и Д. Н. Ушакова. Этимология слов по словарям Н. М. Шанского. Краткий этимологический словарь русского языка М., 1961 и А. Г. Преоб- раженского. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, М. Фасмера. (Max Vasmer, Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidel- berg, 1955.)

б) Слова имеют славянское происхождение, но одно из значений появилось из другого родственного языка путем заимствования. Напр. *зАмок* «крепость» — от польского *zamek*, но *замОк* «приспособление для запираания» — общеславянское слово.

в) Слова имеют общий корень, но оба значения возникли в русском языке путем развития значений слова. Напр. *мукА* «размолотое зерно» (ср. литовск. *inkutis* — «мягк, месить», немецк. *metzen* — «мешать») и *мУка* «страдание», *вязАнка* «связка двор. хвороста, соломы» и *вЯзанка* «вязаное изделие», *волнА* «щерсть» и *волнА* (на море), некоторые глаголы на -ировать: *ликИровать* «лететь под большим углом» и *ликировАть* «пересаживать растения», *бронИровать* «закреплять» и *бронировАть* «покрывать броней», *планИровать* (работу) и *планировАть* «участки», *крокИровать* «делать кроки» и *крокировАть* «в кроки ударить»: другие глаголы: *запахнУть* «закинуть одну полу одежды на другую» и *запАхнуть* «начать пахнуть», *морщИть* «лежать не гладко: платье морщит» и *мОрщить* «сдвигать в морщины».

г) Имеются такие омографы, один из которых имеет узкое, терминологическое значение. Напр.: *трАнспорт* «перевозка, перевозочные средства» и *транспОрт* «перенос суммы на другую страницу», *обрЕзание* «религиозный обряд у евреев: удаление крайней плоти» и *обрезАние* «действие по глаголу обрезать»; *опрОщение* «грамматический термин» и *опрещЕние* «действие по глаголу опростить», *осОбь* «особь статья» и *Особь* «отдельный живой организм», *прАвило* «положение, выражающее закономерность» и *правИло* «деревянная линейка; хвост у борзой; колодка», *мокрОта* «слизистое выделение» и *мокротА* «сырость, влажность», *транспОртер* «устройство для непрерывного передвижения грузов» и *транспортёр* «лицо, или учреждение, занимающееся транспортом».

С уменьшительным суффиксом та же форма в терминологическом употреблении уже не имеет такого значения. Напр.: *прОволочка* «уменьшительный от сущ. проволока» и *провоЛочка* «задержка времени», *кащИца* «уменьш. от сущ. каша» и *кашИца* «жидкая, киселообразная каша».

д) Производные омографы, имеющие этимологически общий корень, могут возникнуть в процессе словообразования. Напр. *отзЫв* «отзыв посла» — действие по глаг. отзывать и *Отзыв* «мнение; условный ответ, напр., положительный ответ», *провОд* «провод судов через канал» — действие по глаг. провести и *прОвод* «кабель, проволока».

Глаголы с приставками-модификаторами (сов. вид) и с приставками-квалификаторами (несов. вид) могут различаться в ударении. Напр., *забЕгать* «начать бегать» — от бегать и *забегАть* — от бежать, *избЕгать* (бегая, побывать во многих местах) и *избегАть* — от избежать и другие пары глаголов такого рода, *запОлзать* «начать ползать» — от ползать и *заползАть* — от заползти, *опОлзать* «ползком обойти все пространство чего-н.» — от опАлзывать и *оползАть* — от оползти, *рассорИть* «рассыпать в разных местах» — от рассаривать и *рассОрить* «друзей» — от рассорывать, *шикнУть* «произносить громко «шш», призывая к молчанию» — от шикать и *шикнуТЬ* «проявлять в чем-л. шик, щегольство» — от шиковать, *выметАть* (напр., петли) — от выметывать и *выметАть* (напр., комнату — от вымести, *вычитАть* «прочитать» — от вычитывать и *вычитАть* — от вычестъ, *разъяснИть* «стать ясным (о погоде)» — от разъяснивать и *разъяснИть* «объяснить» — от разъяснять (в таких же значениях:

прояснеть — от *проясн*ивать и *проясн*Еть — от *проясн*ять), *отщелк*Ать «выругать» — от *отщелк*ивать *отщёлк*ать (на счетах; соловей *отщёлкал*).

Глаголы движения в переносном смысле с приставкой *вы-* (сов. вид) могут совпадать с глаголом с приставкой *вы-* конкретного значения. Напр. *вы*носить — от *вына*шивать и *выно*сить — от *выне*сти, *вы*ходить — от *выха*живать и *выхо*дить — от *вы*йти.

Страдательные причастия от глаголов-омонимов: *наря*женный «красиво одетый» — от *наря*дить¹ и *наряжённый* «наряженный в караул» — от *наря*дить², *раств*оренный «открытый» — от *раств*орить¹ и *растворённый* «напр. раствор» — от *раств*орить², *нач*иненный — от *начин*ить¹ и *начинённый* — от *начин*ить², *пере*кошеный — от *пере*косить¹ и *перекошённый* — от *пере*косить², *перес*еченный — от *перес*ечь¹ и *пересечённый* — от *перес*ечь², *раст*оченный — от *раст*очить¹ и *расточённый* — от *раст*очить².

Действительные причастия наст. вр.: *чи*нящий — от *чин*ить¹ и *чин*ящий — от *чин*ить².

Прилагательные на *-ой* и *-ый* (взводной и взводный) не являются омографами в именительном (может быть и в винительном) падеже ед. ч., так как они на письме отличаются, но в других падежах и родах они представляют собой омографы. Напр.: *взв*одный — от сущ. *взвод*¹ и *взводн*Ой — от сущ. *взвод*², *кор*пусный — от сущ. *корпус*¹ и *корпусн*Ой — от сущ. *корпус*², *образн*Ой — от сущ. *образ*¹ и *Образный* — от сущ. *образ*², — *угр*евОй — от сущ. *угорь*¹ и *угр*ёвый — от сущ. *угорь*².

Б. Омографы омонимного характера в большинстве случаев возникают путем случайного совпадения графической формы разных частей речи, которые могут иметь сходные или различные по происхождению основы. Так могут совпадать 1) разные формы глагола и существительного:

а) инфинитив на *-чь* и сущ. третьего склонения — *св*Олочь и *свол*Очь, *пом*Очь и *пом*Очь.

б) первое лицо ед. числа и дательный падеж сущ. мужск. и сред. рода — *б*Ерецу — от сущ. *берег* и *берег*У — от *беречь*, *т*Ушу — от сущ. *туш*. или *туше* *туш*У — от *тушить*, *поб*Егу — от сущ. *побег* и *побег*У — от *побежать*.

в) вин. пад. сущ. женск. рода и первое лицо глагола — *нав*олоку — от сущ. *наволока* и *наволо*кУ — от *наволочь*.

2) им. пад. сущ. ср. рода и ср. род прилагательного и наречия — *добр*О «благополучие» и *дОбро* — от прил. *доб*рый, *гОре* «печаль» и *гор*Е «в зыбине» (устар.)

3) твор. пад. ед. ч. сущ. женск. рода и прилагательные — *дор*Огой — от сущ. *дорога* и *дорог*Ой.

4) краткая форма прил. женск. рода и сущ. женск. рода им. пад. ед. числа — *дорог*А и *дор*Ога,

5) краткая форма прил. женск. рода и прош. время глаг. женск. рода — *см*Ела и *смел*А,

6) формы первого лица разных глаголов — *пл*Ачу и *пла*чу,

7) притяж. местоим. первого лица мужск. рода и деепричастия — *мо*Я и *мОя*.

Совпадение происходит и путем конверсии т. е. вследствие перехода одной части речи в другую:

а) при переходе существительных в форме твор. падежа в наречие — *кр*У-

гом и *крутОм*, *вЕрхом* и *верхОм* (ср. еще *дОма* «в доме» и *домА* «много домов», *шАбаш* «субботный отдых» и *шабАш* «кончено, довольно»),

б) при переходе деепричастия в наречие — *лѣжа* и *лежА*, *стОя* и *стоя*, *м^лча* и *молчА*.

III. От лексических омографов следует отличать *грамматические омографы*. Это различие не всегда принимается во внимание. Так, например, в первой части учебника МГУ среди лексических омографов встречается и такой пример: *срЕзала* и *срезАла*.⁵ Между приставочными акцентологическими вариантами глаголов *резать* и *сыпать* разница грамматическая, видовая, также *узнАю* и *узнаЮ*. Грамматические омографы особенно многочисленны у существительных. Так могут совпадать по форме и различаться ударением: род. пад. ед. числа и им. пад. множ. числа сущ. на -а мужского рода: *дОма* и *домА*, *лЕса* и *лесА*; среднего рода *мОря* и *морЯ*, *пОля* и *полЯ*; женского рода *рЕки* и *рекИ*.

Грамматические омографы возникают вследствие подвижности ударения и являются омоформными.

IV. Акцентологические варианты слов не являются омографами. Они имеют семантическое тождество. Таковы варианты: *мОлодец*, *рЕчушка*, *мОлодежь*, *хмелыОй*, *шЕлковый* и т. д. (в народной поэзии) и *молодЕц*, *речУшка*, *молодЕжь*, *хмЕльный*, *шелкОвый* и т. д. (в разговорной речи).

⁵ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Часть I. М., 1962. стр. 35.

ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ В ОЦЕНКЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Д. ЯКОЧ

Г. В. Плеханов высоко ценил художественное творчество Г. И. Успенского и некоторых других народников—беллетристов. «Наша народническая литература вообще, — писал он, — и наша народническая беллетристика в частности обладает очень крупными достоинствами, которые тесно связаны с ее недостатками, как это бывает, впрочем, всегда. Враг всяких прикрас и искусственности, разночинец должен был создать и действительно создал глубоко правдивое литературное направление. В этом случае он остался верен лучшим преданиям русской литературы. Наша народническая беллетристика вполне реалистична и притом реалистична не на современный французский лад: ее реализм согрет чувством, проникнут мыслью.»¹

Эту высокую оценку народников—беллетристов надо особенно подчеркнуть, т. к. Плеханов часто несправедливо упрекали в огорченно отрицательном отношении к народничеству вообще и к его писателям в частности. Повод для таких упреков давал тот факт, что Плеханов не раз отмечал влияние ложных идей на художественное творчество Г. Успенского и других писателей—народников. Именно это создавало видимость, будто он отрицательно относился к творчеству Г. Успенского и к творчеству народников—беллетристов вообще. Между тем Плеханов, высоко оценивая художественное творчество народников, считал его особым этапом в развитии русского реализма. Он неоднократно указывал на преемственную связь литературного народничества с великими традициями русской реалистической литературы и в связи с этим определил его место в развитии русской литературы XIX в.

Народническую литературу Плеханов рассматривал, как закономерное следствие новых общественных отношений, как явление, неразрывно связанное с зарождением и развитием капитализма России. Он вообще любое идеологическое явление рассматривал в конечном счете как отражение исторически сложившихся общественных отношений. «Люди делают не несколько отдельных одна от другой историй, — пишет он, — историю права, историю морали, философии и т. д., а одну только историю своих собственных общественных отношений, обуславливаемых состоянием производительных сил в каждое данное

¹ Г. В. Плеханов: Глеб Успенский в русской критике. Государственное издательство художественной литературы. М—Л., 1961, стр. 360.

время. Так называемые *идеологии* представляют собою лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории.»²

Развитие капитализма в России, разложение патриархальных устоев, возникновение разночинской интеллигенции, по Плеханову, является причиной возникновения народничества и народнической литературы. Предшествующий народничеству период русской литературы Плеханов считал дворянским, в *«лучшем смысле этого слова»*. Когда он говорил о Пушкине, Тургеневе и др. писателях, как о «бытописателях дворянских гнезд», то имел ввиду прежде всего предмет художественного отражения в художественном творчестве этих писателей. Но при этом он всегда принимал во внимание ту роль, которую играла «крестьянская передняя» в настроениях «бытописателей дворянских гнезд». Называя их «дворянскими писателями», Плеханов не хотел этим принизить их значение. Сопоставляя художественные особенности Тургенева и Гл. Успенского он писал: «Тургенев не менее Успенского был отзывчив ко всему тому, что составляло животрепещущий общественный интерес его времени.»³ Характеризуя Тургенева и других писателей—психологов, как дворян «в лучшем смысле этого слова», Плеханов имел ввиду передовую часть дворянства и подчеркивал преемственную связь их идей с идеями декабристов. Он видел их слабые стороны в сравнении с писателями—народниками, но никогда не отдавал предпочтения последним. С другой стороны, указывая на художественные несовершенства произведений писателей народнического течения, он не ставил их вне генерального развития русской литературы. Творчество «писателей—психологов» и «писателей—социологов» он рассматривал как единый процесс, имеющий различные стороны и обусловленный в конечном счете развитием русских общественных отношений. Следующим после народнического этапа развития русской литературы он считал период пролетарский, как этап вполне естественный, вследствие развития капиталистических отношений в России.

Такова, в общих чертах плехановская концепция истории литературы XIX века.

В связи с уточнением этой концепции необходимо отметить следующую ее особенность.

Плеханова часто обвиняют в том, что он в истории русской общественной мысли и в русской литературе преувеличивал роль разночинцев, рассматривал их чуть ли не в качестве самостоятельного класса. Но это не соответствует действительному мнению Плеханова. Он считал разночинскую интеллигенцию не самостоятельным классом, а *общественным слоем*. Разночинцы как общественный слой, по его мнению, возникли в результате развития капитализма. Он считал, что они могли стать выразителями интересов различных классов. Особенности развития общественных отношений в России определили по его мнению то, что они стали идеологами крестьянства. И здесь мнение Плеханова полностью совпадает с мнением Ленина. Ленин писал: «Чествуя Герцена мы

² Г. В. Плеханов: Избранные философские произведения. Гос. изд. политической литературы. М., 1956, т. 2, стр. 266.

³ Г. В. Плеханов: Глеб Успенский в русской критике. Государственное издательство художественной литературы. М—Л., 1961, стр. 360.

видим ясно три поколения, три класса⁴, действовавшие в русской революции. Сначала: — дворяне и помещики, декабристы и Герцен... Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры — разночинцы⁵, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»⁶. Следовательно, несправедливо обвинять Плеханова в преувеличении роли разночинцев, если и Ленин говорил о разночинском периоде в русской революции. Ведь это факт, что разночинцы как общественный слой играли большую роль в развитии русской общественной мысли и в русской литературе, в частности в народнической литературе. Вот почему для объяснения жизненного пути, идейных исканий Глеба Успенского Плеханов должен был обратиться к изучению особенностей разночинской интеллигенции⁷, и он дал сравнительно подробную ее характеристику.

О высокой оценке реализма народников, данной Плехановым, свидетельствует упомянутое выше его сопоставление творчества народников с творчеством французских натуралистов. Народническую литературу Плеханов ставил выше французского натурализма именно из-за ее высокой идейности, из-за исторически прогрессивного ее значения.

Все сказанное подтверждает, что мнение, согласно которому Плеханов стеснительно отрицательно относился к народничеству, не имеет никакого основания.

Итак, Плеханов рассматривал литературное народничество как исторически обусловленный этап в развитии русского реализма, как продолжение лучших реалистических традиций русской литературы. Он высоко оценил писателей — народников за то, что они долгое время были выразителями передовых идей своего времени. Далее, Плеханов был убежден в том, что в результате развития общественных отношений на смену литературного народничества необходимо придет литература пролетариата. Его заслугой является то, что он впервые подошел к творчеству народников исторически и рассмотрел его на фоне русской и мировой литературы.

Определив место народнической литературы в развитии реализма, Плеханов затем дал анализ творчества Гл. Успенского, как крупнейшего представителя народнической беллетристики. В конце 80-ых годов Успенский был в центре внимания литературной общественности.

Известно, что в 1880-х годах народничество перестало быть прогрессивным явлением и мешало дальнейшему развитию революционного движения. Марксистская критика должна была взяться за научный анализ народнической идеологии. Не забывая о заслугах народников, нужно было в интересах революционного движения указать на слабые, ошибочные стороны народнической идеологии. Эту задачу и выполнил Плеханов в ряде своих работ, в том числе в статьях о беллетристах — народниках, среди которых статья о Гл. Успенском занимает первое место и по времени и по своей содержательности.

Основной целью статьи Плеханова о Гл. Успенском было доказать, что худо-

⁴ Подчеркнуто нами. — Д. Я.

⁵ Подчеркнуто нами. — Д. Я.

⁶ В. И. Ленин: О литературе и искусстве. М., 1957, стр. 184.

⁷ Б. Бессонов. Литературно-критическая деятельность Г. В. Плеханова в 1880 годы. «Русская литература» № 4, 1959.

жественное творчество крупнейшего из народников—беллетристов, если не во всем, то во многом противоречит народнической идеологии и что их изображением русской жизни доказывается правота марксизма. На примере Глеба Успенского Плеханов и показал как повлияли ложные стороны народнической идеологии на художественные достоинства произведений этого писателя. «Вполне уместно было-бы задаться вопросом о том, — пишет Плеханов, — насколько основательны усвоенные нашими народниками—беллетристами взгляды на русскую жизнь, и не зависят ли главные художественные недостатки их произведений хотя бы отчасти от ошибочности и узости этих взглядов.»⁸

Плеханов рассматривает творчество Гл. Успенского в развитии и устанавливает его связь с развитием народничества в целом.

Деятельность Гл. Успенского он делит на три периода.⁹

В первый период Гл. Успенский является прежде всего «бытописателем» городского люда. Он изображает жизнь униженных людей с юмором и с «самой задушевной симпатией к человеческому горю и страданию». В этот период его нельзя упрекнуть в предвзятом мнении; он не искажает жизнь в угоду ложных идей. Произведения, написанные в этот период, являются, по мнению Плеханова, лучшими в художественном отношении, хотя во многом и уступают шедеврам, созданным писателями—психологами. Важно однако то, что в это время ложные идеи еще не играют роли в творчестве Успенского.

Во второй период Гл. Успенский обращается к изображению преимущественно жизни крестьянства. Изменение интереса писателя Плеханов объясняет влиянием на писателя народничества. Успенский делает крестьянина «главным героем своих произведений». Но изучая крестьянскую жизнь, Гл. Успенский, по мнению Плеханова, не мог не замечать, что народнические представления о жизни крестьянства во многом не соответствуют действительности. Объясняя крестьянскую жизнь с точки зрения народников, писатель многого не мог понять в этой жизни. Знакомство с крестьянством *все больше и больше разрушало* представление писателя об общине. Он должен был признать, что проповедь коллективной обработки земли не ведет ни к каким практическим результатам. Стремясь *верно отображать жизнь*, он не мог не показать внутреннее разложение общины. Следуя принципам реалистического художественного метода, Успенский, по Плеханову, во многом изменил свое мировоззрение, свои взгляды на общество. Плеханов подчеркнул таким образом плодотворное воздействие реалистического метода на мировоззрение писателя. Успенский стал постепенно освобождаться от неверных, ложных идей и все более правдиво изображать многие теневые стороны крестьянской жизни. Это, констатирует Плеханов, вызвало острые нападки на него со стороны народников, которые

⁸ Г. В. Плеханов в книге: Гл. Успенский в русск. критике, стр. 361.

⁹ Периодизация Плехановым творчества Успенского по существу остается в силе и в наши дни. См. Пручков. Н. И. «Творческий путь Гл. Успенского.» Н. К. Михайловский в некотором отношении дал такую же периодизацию в статье. «Г. И. Успенский как писатель и человек.» С другой стороны данная периодизация намечает лишь главные моменты в развитии Успенского. О верности этой периодизации свидетельствует и автобиография писателя.

продолжали по-прежнему придерживаться иллюзорных взглядов на общину, на развитие русской истории и т. д. Напомним, кстати, что и сам Плеханов в 1878 году, будучи еще народником, остро критиковал Успенского за реалистическое, верное изображение теневых сторон крестьянской жизни.¹⁰ Хотя и с народнической точки зрения, но он зорко заметил тогда некоторые логические противоречия Успенского. И что еще важнее этого, в статье Плеханова в 1878 году видны предпосылки его перехода на сторону пролетариата.

Но вернемся к позднейшей статье Плеханова об Успенском. Плеханов отмечает, что Успенский, изображая теневые стороны крестьянской жизни: падение нравов под влиянием денежных отношений, разложение общины и т. д., — звал интеллигенцию в деревню, чтобы она изменила ход развития в желаемом направлении. В это время, замечает Плеханов, Успенский еще верил в возможность такого изменения. Но дальнейшее изучение крестьянской жизни, освобождало его от многих иллюзий. «Опыт готовил ему новое разочарование», — писал Плеханов. Как сказано, реалистический метод оказал самое благотворное влияние на мировоззрение Успенского.

Тесное знакомство Успенского с деревенской жизнью привело его, по мнению Плеханова, к теории «власти земли». С этого момента начинается третий период в творчестве писателя. Теорию «власти земли» критик рассматривал как теорию народническую. Он считал, что она содержит в себе и верные и ложные стороны и подвергает ее подробному анализу. Плеханов пишет: «Прежде он (Успенский), подобно другим народникам объяснил себе все стороны крестьянского быта чувствами, понятиями и идеалами крестьян. Мы знаем уже, что при таком объяснении многое оставалось для него необъясненным и противоречивым. Вышеупомянутое «случайное обстоятельство» заставило его поступить как раз наоборот, то есть в формах народного быта поискать ключа к народным понятиям и идеалам, и происхождение народных бытовых форм попытаться объяснить условиями земледельческого труда».¹¹ Вывод, по мнению Плеханова, правильный, ибо согласно теории «власти земли» не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание. А это и является материалистическим объяснением общественного сознания.

Далее Плеханов анализирует слабые стороны теории «власти земли». По этой теории «условиями земледельческого труда» определяются в конечном счете и общественные отношения крестьян, склад крестьянской семьи, их религиозные верования, мышление и т. д. Данные условия земледельческого труда объясняют и отношение крестьян и правительству, царю. Этими же условиями объясняются и теневые стороны деревенской жизни, о которых и раньше писал Успенский. Писатель указал на то, что эти условия, эта власть земли в течение многих веков почти не изменились. Поэтому и сознание, взаимное отношение крестьян мало изменилось. Но, как верно замечает Плеханов, «власть земли» имеет меру. «Условия земледельческого труда» не являются неизменными. Развиваются средства труда, производительные силы, и

¹⁰ Г. В. Плеханов. «Об чем спор?» ГИХЛ, М., 1958, т. 2.

¹¹ Г. В. Плеханов. В кн.: Успенский в русской критике. ГУХЛ, М.—Л., 1961, стр. 365.

«власть земли» над человеком, его зависимость от природы уменьшается. Плеханов говорит, что развитие производительных сил неизбежно приведет к «власти человека» над природой, над землей. «Находясь первоначально под властью природы, — пишет критик, — он постепенно сам приобретает власть над природой».¹² В результате развития производительных сил изменяются и общественные отношения людей. Успенский не обратил внимания на это и поэтому рассматривал условия земледельческого труда как нечто неизменное. Короче говоря, он метафизически смотрел на «власть земли.» Отсюда проистекают и слабые стороны его теории.

Следовательно теория власти земли имеет, по Плеханову, и ложные и верные стороны. Сильная сторона заключается в материалистическом объяснении общественного сознания, ложная связана с метафизичностью этой теории, с недостатком историзма в понимании Гл. Успенского. Возражая Успенскому, который видел только общее в быту и сознании крестьян разных стран, Плеханов указал на тот факт, что вследствие более развитых производительных сил, например, в Америке, и общественные отношения, и сознание крестьян иные.

Плеханов тщательно рассматривал взаимоотношение мировоззрения и художественного метода и пришел к выводу, что у Успенского мировоззрение и художественный метод благотворно повлиял на мировоззрение писателя. В этом смысле можно говорить о «триумфе реализма» у писателя.¹³ Ложные стороны мировоззрения Успенского имели двоякое влияние. С одной стороны, ложные идеи привели к нарушению художественного единства произведений писателя, они ввели диспропорции в композицию, повлияли на *внутреннюю форму*. Ложные идеи привели писателя и к известному пренебрежению к стилю, то есть плохо повлияли и на внешнюю форму. С другой стороны, ложные идеи сузили поле зрения художника, сузили область художественного отражения. Это привело к тому, что не он увидел наиболее самоотверженные личности своего времени — людей, которые принимали действительное участие в великом поступательном движении человечества. А изображение активных борцов возникающего рабочего движения дало бы больше простора для полного проявления реалистического таланта Успенского.

¹ Г. В. Плеханов. В кн.: Успенский в русской критике. ГИХЛ М.—Л., 1961, стр. 371.

¹³ Письмо Энгельса к Маргарет Гаркнесс.

ЗАМЕТКИ О ЛИРИЗМЕ ЧЕХОВА

А. ФЕЙЕР

Лиризм Чехова является одной из самых характерных черт его творчества. За исключением ранних юмористических рассказов периода Антоши Чехонте, этот прием встречается почти в каждом рассказе и пьесе. Без преувеличения можно сказать, что именно этот лиризм создает основной чеховский тон, он является самым характерным для произведений Чехова. Склонные к размышлению, лирически настроенные, уходящие в себя герои, суггестивные пейзажи, эмоционально насыщенные мысли, звуковые эффекты символического значения — вот характерные детали так называемого лиризма.

Часто встречаются у Чехова рассказы с художественным обрамлением. Действующие лица обрамления слушают рассказ и размышляют о слышанном. В рассказе «Бабы» повествуется о повседневной трагедии. Герои рассказа — простые люди. Даже лицемерный рассказ Матвея Саввича не может исказить любимую фигуру коварно брошенной им любовницы, которая, борясь за правду чувств, в своем безысходном положении убивает мужа, и это приводит к ее гибели.

Уже сам сюжет является протестом, но Чехов не ограничивается только рассказом Матвея Саввича. Еще две женщины слушают печальную историю, они тоже недовольны своей судьбой, чувствуют себя рабынями, жаждут любви, сочувствуют несчастной женщине. Освещенный луной пейзаж, разворачивающийся перед глазами Софьи, размышляющей о судьбе, придает рассказу эмоциональную окраску. Художественное обрамление встречается и внутри рассказа. В то время, когда рассказчик говорит о том, как солдатка стала его любовницей, вдали слышится пение, доносящееся как будто с неба, так что слушатели невольно поднимают голову. При описании того, как видит проснувшийся Кузьма женщин, Чехов использует тот же самый прием: «Кузьма вздрогнул и открыл глаза. Он увидел перед собой некрасивое, сморщенное, заплаканное лицо, рядом с ним другое, старушечье, беззубое, с острым подбородком и горбатым носом, а выше них бездонное небо с бегущими облаками и луной...» Бесконечное небо, выполняющее функцию заднего плана, как бы придает оттенок величавости убитым горем лицам.

Отношение эпических частей к лирическим в чеховском рассказе можно раскрывать, как отношение действия, разыгрывающегося на переднем плане, к огромным теням, отображенным на кулиссах заднего плана. Действие, представляющее собой главную часть новеллы, отражается в душе образов, встречающихся в обрамлении. Рассказ развивается по двум планам: с одной сто-

роны — конкретные действия, настоящие образы, а с другой стороны — размышления писателя, проявляющиеся в эмоциях. Чехов этими эмоциональными элементами приукрашивает человеческие отношения. Китайские тени — это настроение, возникающее в читателе под влиянием действия и расширяющееся до мироощущения. То, что в повествовательной части было непосредственной действительностью, в обрамлении окутывается настроением, то, что там предельно очерчено, здесь стирается, но, то, что там было повседневного размера, вырастает и приобретает обобщающее значение.

Отношение переднего плана к заднему в отдельных произведениях Чехова меняется, эта проблема в рассказах-сценках не встречается. Кроме пустого развлечения читателей Чехов и в этих произведениях стремится изобразить общество, осуждает отрицательных героев. И все-таки он ограничивается только некоторыми деталями правды, не претендует на изображение цельной русской жизни: как бы остается в стороне от своих произведений, то есть остается беспристрастным. Этим можно объяснить решительный поворот писателя к более серьезным темам. Паперный отмечает главную тему переходного периода чеховской цитатой: «Что ж тут смешного?»¹

Начиная с этого момента Чехов изображает героев изнутри, с их точки зрения исследует мир, автор как бы приближается к своим героям.

Несчастный кучер «Тоски», главный герой рассказа «Ванька» и врач из рассказа «Враги» вызывают глубокое соболезнование. Оформление этих фигур, метод создания типов в сущности не отличается от приемов, выработанных в юмористических рассказах. Общественный фон и здесь не шире, характер складывается из мастерски набросанных деталей. Наблюдается решительный поворот в изменении отношения писателя к произведению, к герою. Кажется, это изменение приводит к появлению лиризма.

В этот творческий период возникают такие рассказы, в которых очень важную роль играет изображение природы. Так сказать, в этих произведениях второй план оттесняет первый, и лирические части занимают несоразмерно большое место. Наверное, это явление объясняется тем, что сформированные писателем приемы недостаточны для выражения новой проблематики. Новые переживания пока не могут выкристаллизоваться в образы, остаются лирическим настроением.

«Степь» — один из самых выдающихся ранних лирических рассказов Чехова. Сразу бросается в глаза несоразмерность между передним и задним планами. Большую часть смысловой нагрузки несет задний план. Поэтому, по сравнению с более поздними рассказами, разрыв между ними очень значителен. По самому действию никак не понять, что хотел сказать писатель. Это выражается и в заглавии: главный герой — степь.

Во время путешествия степь показывается с разных сторон, перед нами проходят разнообразные картины, переживания: неизмеримое богатство, неисчер-

¹ Заголовок главы в книге Паперного: А. П. Чехов. Очерк творчества. Москва, 1960.

² См. Анализ рассказа «Степь» Бердниковым в книге: А. П. Чехов. Идейные и творческие искания. М.—Л., 1961.

паемость жизни. Все это — средство психологического анализа: таким образом, автор описывает душевные процессы, происходящие в мальчике. Степь, поездка по степи, широкие пейзажи, степные животные и буря — все это не что иное, как первые переживания мальчика, знакомящегося с жизнью. Егорушку отвозят в большой город, он оказывается оторванным от родного дома, который до сих пор представлял для него весь мир. Путешествие по степи — это первые шаги его самостоятельной жизни, для него только теперь начинается жизнь, именно теперь он знакомится с ее законами. Самое большое для переживания приковывающее всю личность, заключается в том, что он остается один, что его жизнью уже беспощадно управляют законы, с этих пор уже никто не делает для него исключения. Овчарки нападают на него: «... Егорушка, еле державшийся на передке, глядя на глаза и зубы собак, понимал, что, свались он, его моментально разнесут в клочья, но страха не чувствовал, а глядел, также злорадно, как Дениска, и жалел, что у него в руках нет кнута.» Егорушка не боится, он понимает, что надо бороться за жизнь. Снова проявляется чувство одиночества, когда он видит промокшее пальто: «Какая новая и дорогая вещь, дома висело оно не в передней, а в спальней, рядом с мамашиними платьями; надевать его позволялось только по праздникам. Поглядев на него, Егорушка почувствовал к нему жалость, вспомнил, что он и пальто оба брошены на произвол судьбы, что им уж больше не вернуться домой, и зарыдал так, что едва не свалился с кузьяка.»

Чехов смотрит на все действие глазами ребенка.² Поэтому и повествование соответствует духовному миру ребенка, даже его временным переживаниям. Живой детский интерес обуславливает то, что автор подмечает каждое незначительное явление, и детская фантазия дает возможность изображать природу таинственно, необыкновенно, с разными сказочными оттенками.

Жители степи появляются перед нами как хранители великой тайны. Спутники встречают воз с сеном, наверху на возу сидит девушка. Дениска кричит на нее а «девка сонно улыбается и, пошевелив губами опять ложится.» Собака бежит к ним «с намерением залаять, но останавливается на полдороге и равнодушно глядит на Дениску.» Тополь особняком стоит на бугре: «Счастливы ли этот красавец?» — задается вопрос, но никто не отвечает. С места перевала Егорушка видит мальчика на холме. Неожиданно появляется незнакомец и испугает его. Егорушка спрашивает его имя, и ответ странно краткий: «Тит». А потом «больше мальчики не сказали друг другу ни слова. Помолчав еще немного и не отрывая глаз от Егорушки, таинственный Тит... пятясь назад... точно боясь, чтобы тот не ударил его сзади, поднялся на селующий камень и так поднимался до тех пор, пока совсем не исчез за верхушкой бугра.»

Лежащая на возу девушка, собака Тит и тополь молча глядят на Егорушку, остаются неизвестными для него, кажутся неотъемлемыми частями степи. Детский герой дает автору также возможность двусмысленно описать отдельные моменты. Во время бури крестьяне идут за возом с вилами на плечах, и мальчик считает их великанами. Еврей-трактирщик, у которого они пьют чай, кажется добродушным дядей из какой-нибудь сказки. На краю небосклона вертится ветряная мельница, и как будто в сказке напрасно стремятся к ней, она не приближается. Писатель сообщает, что Егорушка считает ее волшебником. Соприкосновение действительности и сказки играет особенно

важную роль в сцене с графиней Драницкой. Мечтающий о матери мальчик в полусне видит эту прекрасную женщину в комнате грязного закопченного степного трактира. Эти крайности увеличивают силу переживания. Пленительная графиня является не только красивой женщиной, но и доброй волшебницей. Егорушка неспособен решить, кто стоит перед ним.

Сохранению этой двухсмысленности служит манера Чехова описывать действие. Хотя автор остается в стороне от героя, видит и действие и мальчика, но не стоит на точке зрения рассудительного умного взрослого, не старается разрешить сомнения мальчика, не объясняет читателю, в чем дело. Чехов разворачивает эти детали так, чтобы не нарушить принципа психологической правды, в рассказе последовательно описываются переживания мальчика. Однако, это представляет собой только одну сторону истины. Мы видим, что переживание, которое вызывает в нас произведение, перерастает возможности его героя. Выращиванию того, что хочет сказать Чехов о красоте, богатстве жизни, о неистощимых ценностях России, о страстной жажде будущего — всему этому содействует образ ребенка, но он сам по себе неспособен быть носителем всей смысловой нагрузки рассказа. Образ Егорушки является только поводом для изложения некоторых мыслей художника. Мальчик многое слышит, видит, но очень мало понимает, и еще в меньшей степени является активным действующим лицом. События, описанные в рассказе, связаны с героем только таким образом, что они разыгрываются перед его глазами.

Действие происходит далеко от людей, в степи. Социальная проблематика появляется и здесь, но в ходе повествования не занимает центрального места. Фигура Соломона, юродивого брата трактирщика напоминает образы Достоевского, так же, как и сцена бросания денег в огонь. Соломон говорит с пренебрежением о холуйстве, о людях, приносивших в жертву за деньги человеческое достоинство. Егорушка впадает в припадок ярости от грубости Дымова. Это снова заставляет нас вспомнить о Достоевском: сколько страсти в этом возмущении, столько и элемента ярости. Образ Емельяна тоже показывает на наличие социальной проблемы. Не следует, однако, упростить смысл рассказа, выделив лишь этот социальный мотив: он представляет собой повторение иногда раздающегося аккорда.

Егорушка остался один первый раз в жизни, поэтому его самым главным, страстным переживанием является одиночество, которое для людей, остающихся одиночками в равнодушном обществе, является простой, хотя и скорбной обыденностью. Егорушка со своими детскими глазами и интересом осматривает все, от чего взрослые, занимающиеся своим делом, устало отворачиваются. Мифологически-сказочным воображением ребенок толкует явления, которые взрослый видит в своей будничной действительности и прекрасное находит очень красивым, а некрасивое — уродливым.

Итак, Егорушка со всех точек зрения подходящий главный герой для такого рассказа, в котором разбираются не конкретные социальные отношения, а читателю преподносятся истины, подсказанные гением писателя. Образ Егорушки способствует передаче этих не прямо высказанных замыслов, потому что круг его мыслей ограничен. Поэтому мысли Егорушки никогда не могут подняться до мыслей Чехова. Нельзя их приписать ребенку. Несомненно, пейзажи не просто отражают переживания Егорушки. Пейзаж и герой только

соответствуют друг другу, подчеркивают друг друга. Трудно считать Егорушку реалистическим типом в таком смысле слова, как употребляется это понятие относительно героев Бальзака. Исходя из этого, еще труднее оценить дальневидного Васю, образ которого решительно символичен: по его близости к природе, по его восторженной любви к жизни Чехов сравнивает его с добродушным животным.³ Подошедшего к огню незнакомого, который представляется Константиным Звоником и рассказывает историю своей жизни, нельзя отнести ни к одному из сословий. Радость, наполняющая его личность, имеет другое значение. С точки зрения писателя теперь важна не общественно-сбусловленная личность Звоника, как, например, в образах Обломова, Чичикова, Рудина, а именно эта радость. Конечно, радость жизни вызывает само общество, но это отношение пока не осознается в рамках произведения. Писатель неспособен непосредственно показать это соотношение, оно выражается только субъектно, в лирической форме.

³ «Что-то есть в этом образе Васи глубоко личное, созвучное натуре Чехова.» (И. Громов. Реализм А. П. Чехова второй половины 80-ых годов. Ростовна-дону, 1958, стр. 136).

«ТРАГЕДИЯ ЧЕЛОВЕКА» И. МАДАЧА В ПЕРЕВОДЕ Л. МАРТЫНОВА

Н. С. САЛМА

В 1964 году исполнилось сто лет со дня смерти Имре Мадача. В год юбилея появился перевод «Трагедии человека»¹ на русский язык, выполненный известным поэтом и переводчиком Л. Мартыновым. Диапазон переводческой работы Мартынова очень обширен: от греков до Вийона, от Байрона до Тувима. Особенно много Л. Мартынов переводит с венгерского. Работа над переводами стихотворений Петефи, Ади, Аттилы Йожефа, Юхаса познакомила поэта с образами и идеалами венгерской поэзии, со строем и ритмикой венгерского стиха, что в определенной мере способствовало успешной работе над переводом трагедии.

Имя Имре Мадача стало известно русскому читателю еще в 90-х годах прошлого века. В «Русском обозрении» за 1893 год появилась статья И. М. Болдакова, занимавшегося угро-финским литературоведением, в которой автор дает биографию Мадача, свою трактовку «Трагедии человека» и выражает сожаление о том, что не существует ее перевода на русский язык. Спустя десять лет после указанной статьи появилось три перевода трагедии. Переводы увидели свет почти одновременно: они появились накануне первой русской революции, накануне великих и драматических событий, определяющих судьбу целого народа.

Переводы В. А. Мазуркевича и профессора Н. А. Холодковского — стихотворные. Третий перевод, Э. Крашенинниковой — прозаический. Он был выполнен по поручению А. М. Горького, слышавшего о трагедии Мадача и заинтересовавшегося ее идеей. Но литературная жизнь первых русских переводов оказалась недолговечной; они были забыты отчасти оттого, что сделаны они были более 60 лет тому назад, отчасти оттого, что качество их не было блестящим: перевод Холодковского, известного переводчика «Фауста», был сделан с немецкого текста, что касается Мазуркевича, его работа не представляет художественного интереса, и не исключена возможность, что и его перевод был сделан с немецкого перевода оригинала.

За годы, прошедшие с момента появления первых русских переводов, возникла новая, научно обоснованная теория художественного перевода, возникла новая школа советских переводчиков, одним из талантливых представителей которой является Л. Мартынов.

¹ *Имре Мадач. Трагедия человека. М., 1964.*

Обращение Мартынова к трагедии Мадача представляется нам не случайным. Для Мартынова-поэта характерен пристальный интерес к глубоким философским проблемам; высоко поэтическая по форме, его лирика полна раздумий над судьбой и назначением человека.

Перевод такого насыщенного философскими идеями произведения как «Трагедия человека» — грандиозный труд, требующий большой добросовестности от переводчика, стремящегося точно воспроизвести все оттенки глубоких поэтических замыслов автора. Но как бы добросовестен ни был переводчик, его личность обязательно проявится в переводе. Вопросов взаимоотношений и взаимовлияний личности автора и переводчика касается К. Чуковский в книге «Высокое искусство», посвященной проблемам художественного перевода. В чем же именно проявляется личность переводчика? Мы полагаем, что личность переводчика проявляется не только в своеобразии решений каждой сцены, каждого диалога, но, прежде всего, в том, как сумеет переводчик найти определенную общую тональность, объединяющую идею произведения.

Трагедия — произведение очень сложное. В венгерской критике в разные периоды мы встречаемся с самыми разноречивыми ее оценками. Такова, например, оценка трагедии известным венгерским поэтом начала XX. века М. Бабичем: «Поэма Мадача в основе пессимистическое и даже нигилистическое произведение.»² Негативную оценку дает трагедии и Георг Лукач, считающий, что Мадач испытывает отвращение к народу, к толпе. Известный венгерский литературовед Иштван Шегер в книге «Романтизм и реализм» в главе, посвященной творчеству Мадача, пишет: «Тема трагедии не давала Мадачу возможности развить тему конфликта „выдающейся личности“ и толпы... Но в драме «Моисей» этот конфликт получает разрешение, „великий человек“ и „жалкая толпа“ находят друг друга в величественной развязке, поэтическое выражение которой — смерть Моисея и возрождение народа.»³ И далее: «В трагедии мы должны видеть не только пессимистическое, проникнутое разочарованием и отчаянием произведение, мы должны прочесть в трагедии пафос упорного сопротивления пессимизму, разочарованию и отчаянию, вдохновляющий даже тогда, если аргументы этого сопротивления слабее, чем желание сопротивления»⁴. Именно так понял трагедию Мартынов и, воспроизведя ее во всей сложности, передал в переводе порыв страстной устремленности в будущее, веру в душевную красоту и благородство человека, в ценность жизни и борьбы. Эта сторона мировоззрения Мадача стала доминирующим мотивом перевода, его тональностью:

«... пускай! Еще сто раз я не достигну цели —

Не в этом дело! Что такое цель?

Цель — прекращение борьбы великой!

Цель — смерть. А жизнь — борьба. Цель человека —

Она!»

² Цитата приводится по книге: *Sötér István: Romantika és realizmus. Budapest, 1956, стр. 280.*

³ Там же, стр. 256.

⁴ Там же, стр. 293.

Ярко передал Мартынов в переводе общую гуманистическую тенденцию драмы: пройдя через горнила испытаний, заблуждаясь и отчаяваясь, Человек всегда будет находить верную дорогу, всегда величие и добродетель будут существовать на земле, и Люцифер — «дух отрицанья» «вечно будет видеть, как восходят красы и благородства семена», которые хотел он погубить. Величаво и торжественно звучат последние слова Господа, заключительный мощный аккорд финала трагедии: «Азм рек: о человек, борись и уповай!» (В книге А. А. Гершковича «Современный венгерский театр»⁵ приведена эта же фраза из трагедии, очевидно в переводе автора: «Я говорил, о человек: борись и верь!» Это подстрочник, еще раз подтверждающий ту мысль, что дословный перевод — это перевод самый неточный!) Что же придает этой строке в переводе Мартынова монументальность и поэзию? Глагольную форму «mondottam» Мартынов перевел формой старинного перфекта. Для передачи этимологической фигуры «bízva bízzál» переводчиком найден глагол «уповай». Глагол этот находится в полном соответствии с торжественной стилистикой всей фразы, а звук «а» в конце слова под ударением углубляет свойственное глаголу значение величия, устремленности, полета. В середине этой строки мы встречаемся с внутренней рифмой «рек — человек», придающей стиху гармонию и особую пластичность. Переводчик довольно часто прибегает к приему внутренних рифм, или звуковых повторов внутри строк:

«Замыслил так с времен извечных я;

Во мне таилось то, что воплотилось.»

Или:

«Склонись на грудь ко мне, зеленой ветвью

Я помашу и воздух охлаждаю.»

Этот прием имеет и определенное ритмообразующее значение с точки зрения сценической декламации:

«Зачем зияешь, бездна, предо мной?

Не мни, что ночь твоя меня пугает —

В ней только прах земной, а я тебя

Перешагну в сиянии ореола.»

Мартынов очень охотно прибегает к архаической фразеологии церковнославянского языка. Использование этого языкового слоя создает необходимый фон развертывающемуся действию пролога и финала: Люцифер соблазняет Адама вкусить от «древа познания», раздается «глас господен». «Ember, vigyázz!» Мартынов переводит: «Человече, бойся!» Звучат голоса ангелов:

Jaj neked, világ,
Az őс tagadás kísért

«О, горе тебе, мир!

Искус извечный.»

В комментариях к «Трагедии человека» Б. Александер писал: «Кто может сказать, что в «Фаусте» идея предшествовала форме? Они родились вместе; В форме «Фауста» живет идея. Гете никогда не выразил бы идею «Фауста» иначе. Мадач — художник другого типа. У него мысль ищет форму...»⁶ Что касается формы перевода, то здесь мы должны заметить, что число строк отдельных монологов перевода не всегда равно числу строк оригинала:

⁵ А. А. Гершкович: Современный венгерский театр. М., 1963. стр. 118.

⁶ Madách Imre: Az ember tragédiája. Budapest, 1919. стр. 230.

«Одна хвала меня коснуться может,
А не хула!»
«Но кроме своей сути,
Дать не могу я ничего иного.»

„Csak hódolat illet meg, nem
bírálat.”
„Nem adhatok mást, csak mi
lényegem”

В оригинале строки эти звучат гораздо более энергично и сжато, чем в переводе, но дать другой перевод этих строк было бы очень трудно, не причинив ущерба смыслу строк или грамматическому строю русского предложения. О виртуозности же поэтического мастерства Мартынова прескрасно свидетельствует перевод заключительной части лондонской сцены, где следует 11 рифмующихся афоризмов, переданных с безпречной верностью оригиналу:

«Фналки вы мои купили,
Цвесьте новым на моей могиле!»

Иногда у Мартынова мысль автора бывает несколько сужена. Приведем для примера слова Адама, обращенные к Еве, из второй сцены трагедии: *A füg-gés, látom, életelv neked.* «Я вижу, зависимость для тебя — принцип жизни.» Мартынов перевел: «Я вижу высшее твое стремление — опекуна высокого иметь.» В имеющемся контексте фраза «высокий опекун» воспринимается как «бог», тогда как мысль Мадача шире: зависимость — вот удел женщины и предел всех ее желаний. Во второй пражской сцене в переводе одного из монологов Адама отсутствует образ всадника, имеющийся в оригинале:

„Egykor nevetni fognak az egészen
Az államférfit, kit nagynak nevez-
tünk,
Az orthodoxot, akit bámulánk,
Komédiásnak nézi az utókor,
Ha a valódi nagyság lép helyébe,
Az egyszerű és a természetes
Mely ott ugrat csupán, ahol gödör
Ottan hagy utat, ahol nyílt a tér.”

«Нет! В будущем все это осмеют:
Политик, мнившийся нам великаном,
Подвижник веры, удивлявший нас,
Грядущему покажутся шутами,
Когда займут их место простота,
Величье подлинное, натуральность,
Чтоб люди прыгали лишь там, где яма
И пролагали путь лишь на простор.»

Но такие места, которые кажутся нам не совсем точными, — исключения, и нужно отметить, что в передаче философских мыслей трагедии Мартынов очень точно воспроизводит оригинал. Приведем в подтверждение то место трагедии, где Адам говорит Люциферу о невидимой паутине, связывающей его, о которой подозревает далеко не каждый: «... csak néhány kivált/Magasb szellem sejt, még dacol veled.» «И только несколько незаурядных/И более возвышенных умов/О ней подозревают.» Один из ранних комментаторов «Трагедии человека», Б. Александер, считает, что Мадач имеет здесь в виду человека в противовес животному, которое не может понять мнимости своей свободы. Он делает такой вывод на том основании, что поэт употребляет слово «kivált» вместо «kiváló», но такое объяснение кажется нам неверным. Мысль Мадача гораздо более тонка, и Мартынов был совершенно прав, переведя «несколько незаурядных и возвышенных умов» в противовес всему человечеству, а не человечество в противовес животным. Люцифер отвечает Адаму: «S-csak is ez az, mi velem bir dacolni, Mert szellem, mint én.» Лишь она/И может воставать против меня./Она ведь дух такой же. как и я.» «Венгерский язык не

знает родов, но Мартынов переводит именно «она», т. е. материя; философский смысл становится ясным.

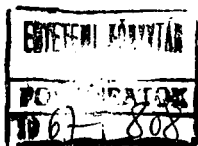
Но и такая добросовестная работа над текстом, такая тонкая передача всех нюансов философских раздумий автора не принесла бы переводчику успеха, если бы он не сумел передать своеобразие стиля писателя. Мы уже писали выше об удачном использовании Мартыновым церковнославянского пласта языка. Общая романтическая тенденция «все ад, иль небо», пронизывающая творчество позднего романтика Мадача, проявляется и в стиле, то бурно — порывистом, то горько — скептическом, но всегда драматически напряженном:

«О ты, дитя балованное, тело,
Дающее и радость и печаль,
Ужель ты превратишься в горстку праха,
Когда частицы прочие твои —
Вода и воздух — нынче так румяны
И так жизнелюбивы, унесутся
С моим уничтоженьем в облака!
Я с каждым словом с каждым помышленьем
Расходую крупицу существа
Сгораю!»

Используя богатейшие средства русского языка, могучий слог и гибкий синтаксис, Мартынов великолепно передал внутреннюю напряженность и трагичность монолога. С таким же совершенством переданы Мартыновым и лирические мотивы трагедии (Ева — Дух Земли):

«Дух юности, поэзии, любви
Мне путь откроет в вечную отчизну,
Земное счастье лишь моя улыбка,
Слетевшая на чье-нибудь лицо!»

Большой удачей перевода мы считаем его отличное звучание на русском языке. Художественное воплощение в переводе произведений драматургического жанра ставит перед переводчиком сложные и своеобразные задачи, но, когда творчество поэта-переводчика по темпераменту, гуманистической тенденции близко творчеству переводимого автора, перевод всегда большая удача. Такова удача переводов «Фауста» Н. Холодковским и Б. Пастернаком, такой же большой удачей мы считаем и перевод «Трагедии человека» Леонидом Мартыновым.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Д. Русинов.</i> К истории и >ы в древнерусском языке после твердого предложного и префиксального согласного и в других сходных случаях	3
<i>И. Х. Тот.</i> К истории склонения имен существительных в псковских летописях	7
<i>И. Х. Тот.</i> К истории форм числительного <i>трѣе</i> (<i>трие</i>), <i>три</i> в древнерусском языке	21
<i>И. Пете.</i> Обозначение времени с помощью предлогов <i>в</i> и <i>на</i> в конструкциях, отвечающих на вопрос <i>когда?</i> , в современном русском языке	27
<i>Ш. Кони.</i> Некоторые вопросы морфологического анализа при машинном переводе с венгерского языка на русский (Критические замечания)	37
<i>М. Дани.</i> Омографы в русском языке	43
<i>Д. Якоб.</i> Г. Успенский в оценке Г. В. Плеханова	49
<i>А. Фейер.</i> Заметки о лиризме А. П. Чехова	55
<i>Н. С. Салма.</i> «Трагедия человека» И. Мадача в переводе Л. Мартынова	61

Megjelent 400 példányban 5,9 (A/5) ív terjedelemben

Felelős kiadó: Juhász József

65. 2308 Bács-Kiskun megyei Nyomda V. Kecskemét